

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ЧАСТЬ 1	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	56
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	69

Глава 16	74
Глава 17	78
Глава 18	80
Глава 19	83
Глава 20	87
Глава 21	88
Глава 22	94
Глава 23	96
Глава 23	99
ЧАСТЬ 2	100
Глава 1	100
Глава 2	101
Глава 3	103
Глава 4	106
Глава 5	110
Глава 6	112
Глава 7	115
Глава 8	117
Глава 9	120
Глава 10	122
Глава 12	123
ЧАСТЬ 3	125

Глава 1	125
Глава 3	127
Глава 1	133
Глава 3	134
Глава 4	138
Глава 5	139
Глава 6	140
Глава 7	144

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни".

И. Бродский

С.А.

Зелинский

Безысходность

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Безысходность

С. А. Зелинский.

Безысходность. Роман.— CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 131 с.

ISBN 9781304856708

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

роман

Безысходность

"По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни".

И. Бродский

Предисловие.

Ему было главное - дойти.

Как никогда сегодня это показалось трудно. Уже был вечер. Темнело. И видимо только это спасало от излишне-любопытных взглядов прохожих. Других прохожих. Которые наверняка были. Но вот только он их сейчас - не замечал.

Он вообще никого не замечал. Ни раньше - когда еще относительно спокойно мог скрывать собственную психопатологию. Ни,-- тем более,-- сейчас. Когда это было уже практически невозможно сделать. Да он и не думал об этом. Он - боялся думать...

И почти невозможно сказать - от чего же его шатало. Ноги заплетались. Иной раз - он чуть ли не зачерпывал руками асфальт. Но от чего?

То ли действительно - какие мысли (все же) прорывались в голову. То ли наоборот - от того, что он боялся реализовать какую-то из них - тело бросало: то влево, то в право. А то - внезапно - какая-то яркая вспышка разрывалась перед глазами. И тогда - человек скручивался, опускаясь вниз, и обхватывая голову руками; словно таким способом он мог защититься от... От безумия! - появилась в его голове удивительно ясная мысль. Уже в следующее мгновение на эту мысль наслоились десятки других. Как полипы вгрызавшиеся в ее плоть, значительно утяжеляя ее, и меняя траекторию движения. Они же, по-видимому, приводили и к ее раздвоению. И теперь - вместо одной: появлялось несколько. И почти каждая - имела право на существование.

-- Надо дойти,-- подумал человек.--Дойти во что бы то ни стало. (Ноги с трудом переставлялись - но все же "переставлялись"). Главное - дойти,--моно-идея уже не отпускала его. И все словно подчинялось этой новой и единственной мысли. И тело, - которое как бы не показывалось это медленно,-- но все же оно двигалось вперед. И мысли, другие мысли, которые теперь казались столь ничтожны и незначительны, что их, как вроде бы, уже и не было. Лучше бы их не было.

Главное было дойти...

Пошел дождь. Настоящий Петербургский дождь. Количество прохожих резко сократилось. Да и те немногие, что оставались - предпочитали поскорее запахнуться в свои легкие осенние курточки, воротники, чем-то укрыть голову, а - счастливицы - и открыть спасительный зонт.

Но ему зонт был не нужен. Да он бы и не смог его удержать. А дождь... Дождь был для него сейчас весьма кстати. "Как нельзя кстати",-- сказал бы кто, если бы задумал вести *подобное* повествование. Но это было действительно "кстати". Потому что теперь - он мог скрыться и от взглядов тех, кто (время от времени) да поглядывал на него.

И хотя по их ленивым взглядам нельзя было сказать, что делали они это как-то *осознанно* (и уж точно через мгновение уже забывали и о

нем, и о его "странной" походке),-- все таки лишнее внимание - ему было ни к чему.

И он шел. Он шел вперед. Шел - просто не решаясь остановится. Потому что знал: любая остановка...

Он не знал, что случится тогда. Но он знал,-- он наверняка знал,-- что ничего хорошего ему это не принесет.

Часть 1

Глава 1

Ему было 35... Он был красив, атлетичен, умен... Пожалуй, и действительно умен. Хотя, по большей мере, прилагал усилия - чтобы так считали окружающие. Потому как,-- то, что думал он сам - всегда было некоторой загадкой. Впрочем, и не больше - чем загадочным был окружающий мир.

Ему было 35. И несмотря на это (а может и потому) - мир вокруг все время представлял для него какую-то тайну. Хотя,-- он это и не показывал. Даже наоборот. Вячеслав Аркадиевич (Вячеслав Аркадиевич Горелов, наш герой) производил впечатление человека - который знает "о многом". И судя по тому, что он делал загадочное выражение лица каждый раз, когда его спрашивали о том, о чем он видимо не знал (или знал смутно),-- большинство почему-то было уверенно: Горелов знает больше,-- чем говорит.

Чем *предпочитает* говорить. Хотя и говорил он иной раз - весьма охотно. Но почему-то окружающим нравилось угадывать в нем какую-то неопределенность. Возвеличивая тем самым и его (да, наверное, и себя) в собственных глазах.

Но это было не всегда. И даже не из-за того, что любил больше молчать (хотя,-- что скрывать,-- любил),-- а скорее причина была запрятана столь глубоко в его подсознание - что стоит задуматься: нужно ли извлекать ее оттуда.

Впрочем,-- если уж начали (а волей неволей, но ведь мы пустились в то повествование, которое подспудно до сих пор еще сдерживаем; хотя уже - по всей видимости - и поздно),-- то просто обязаны хоть как-то приоткрыть тайну.

Причем - "тайна" он сам. "Тайна" - его жизнь. "Тайна" - люди, которые его окружают. И насколько - на самом деле - кто-то из них заинтересован - чтобы мы сняли невидимую завесу, отделявшую их внутренний мир - от той внешней реальности, с противопоставления себя которой - и начались их неприятности...

А вот и первая преграда. Насколько "неприятности" - могут быть таковыми для тех, кто их - по нашему предположению - испытывает? Не есть ли это (в какой-то мере) ошибка? Ошибка - наша. Потому как в любом случае - наша оценка других - это невольная проекция нашего же бессознательного. И зачастую видим мы в людях то,-- что боимся увидеть в себе.

Вячеслав Аркадиевич был психоаналитик. А по первому образованию - биолог.

Приоритетами его увлечений - были мозг и душа. Как биолог - он изучал мозг. Как психолог - душу. Изучал на протяжении многих лет. И чем больше открывал для себя - тем больше и пугался собственных открытий. Но эту "боязнь" - он скрывал. И чем становился старше - тем ему приходилось больше скрывать правду. Скрывать главным образом от себя. Потому как другие - ничего *такого* в нем не

подозревали. Да даже не могли и предположить. Вячеслав Аркадиевич был хорошим специалистом. И допустить - чтобы то, что уже давно властвовало над ним,-- не мог. Не мог и потому, что боялся потерять клиентов (его "практика" шла почти успешно); и потому - что прежде всего, боялся *признать* это - для себя. Ведь "признать" - почти означает поражение. А с любым поражением,-- Вячеслав Аркадиевич никогда бы не смирился.

Несмотря на то, что Вячеславу Аркадиевичу удавалось лечить других - сам он оказывался почти беспомощен, когда касалось его самого.

"Почти",-- потому как все же кое-что - ему удавалось. Но этого "хватало" большей частью - только на то, чтобы как-то *сдерживать* развитие собственной психопатологии дальше. Но было ничтожно мало - чтобы как-то "излечить" себя. И симптомы,-- словно прознав про это,-- все больше и больше "заявляли о себе". Причем, получалось это как будто и "не явно"; вернее,-- не слишком "явно". И в какие-то мгновения "борьбы" - они как-будто и "отступали". Но Вячеслав Аркадиевич знал, что это временно. И при любой возможности - они вновь *заявят о себе*. А потому и был он - *готов* 24 часа в сутки. Потому как иной раз - заснуть все же удавалось.

Вот правда сон... Сон Вячеслава Аркадиевича носил уж слишком какой-то хаотичный (и с трудом предсказуемый) характер. Ну, например, он знал наверняка - что не уснет, если идет по улице. Или - принимает пациентов. Он не мог спать - если кому-то требовалось его внимание.

В другие же часы - он спал. Он *мог* уснуть. И это - совсем бы удручало его, если бы это случалось часто. Но это было редко.

Минимум раз - в двое, трое суток. И не какие-то "полноценные" 6-8-10 часов. А всего лишь час-два. Например,-- два часа - днем. И час - ночью. Или наоборот. И редко когда ему удавалось поспать больше. Хотя тоже случалось. Примерно раз в две - три недели - организм "брал свое". И тогда Вячеслав Аркадиевич мог проспать сутки. С небольшими перерывами в несколько минут для отправления естественных потребностей.

А потом - не спал вновь. И настолько привык к подобному "графику",-- что уже и боялся что-то менять. А скорее всего - уже и не мог. Да и любая "смена" привычного режима - внесла бы дополнительное беспокойство. А этого он - боялся.

Мне было всегда удивительно - думал ли Вячеслав Аркадиевич, что окружающие могут как-то заметить, что с ним (с его психикой) "не все ладно"? Но ведь и я-то догадался не сразу. Хотя и не был уверен - что знаю "все". Притом, что знал Вячеслав Аркадиевич - достаточно много. Хотя, быть может, и не так уж много... (Ведь о чем-то наверняка он не знал и вовсе). Да и мы-то, хоть и познакомились еще лет десять назад, но как-то близко общаться стали - только в последний год, два. Притом что "близость" - большей частью соизмерял он. Решая про себя - допустить ли меня к тому, чтобы я что-то "новое" узнал о нем - или нет. И по всему выходило, что если бы я не заинтересовался фигурой Вячеслава Аркадиевича Горелова - то и не узнал бы о нем сверх того, что было "дозволено" знать мне. Но так уж вышло, что я тогда только закончил свой очередной роман. И мне просто необходим был "герой" - для следующего. И уж совсем (как будто) неожиданно для меня - я обратил внимание на Вячеслава Аркадиевича. И вскоре понял - что это именно то, что мне и было нужно. О чем-то похожем я давно уже хотел

написать. И Вячеслав Аркадиевич Горелов вскоре вытеснил из моего воображения какие-то прежние "заготовки". Можно было просто брать - и описывать его жизнь. И я совсем еще не знал тогда, - к чему это на самом деле приведет. Но и только раз ступив на этот путь - отступить я уже не мог. И стал все глубже и глубже погружаться в пучину того кошмара, который видимо давно уже царствовал в его психике. Подчиняя разум. И пуская его по совсем иному движению. Совсем не считаясь - с его *обладателем*...

Глава 2

Насколько он мог отдавать себе отчет - в своих действиях? Да, наверное, мог. Пусть и не всегда. И не настолько, насколько хотел. Но и случалось иногда - что ситуация, как вроде бы, находилась под полным контролем. И тогда это были его самые счастливые дни. Правда... Правда,-- это случалось нечасто.

С каждым прожитым годом, Вячеслав Аркадиевич замечал, что ему все труднее сдерживать себя в рамках того сумасшедшего безумия, в которое вдруг погружался его разум.

Нет, конечно, он пробовал еще цепляться за все, за что было можно. Что оставалось - как будто - "в введении" сознания. Но все больше замечал, что реальность как будто ускользает от него. И в такие минуты - он видел мир, словно - "со стороны". Словно совершал какие-то действия - не он. И на удивление - он чувствовал необычайную *симпатию и расположенность* к этому человеку. Причем,-- знал о нем все. Или почти все. За исключением... За исключением - *прогнозируемости* действий. И какой-либо алгоритм шагов - просчитать было невозможно. Так же невозможно -

предсказать: когда наступит тот или иной поступок, который наверняка (и вновь) подпадает под симптоматику того заболевания, которое было у него. Но... Но ведь он не болен! Вячеслав Аркадиевич никогда бы и не согласился признать такое. Да и не врач он - чтобы ставить самому диагнозы. Но вот то, что его поведение выпадало из общепринятой нормы - это, к сожалению, был факт. Тот факт, который даже если и не признавать - он все равно был. И существовал независимо от желания Горелова. Словно был - и все. И ничто не могло привести к исчезновению его. Как будто так и должно быть. Но ведь - не должно?..

Глава 3

Уже лет десять - как Горелов научился находить выход своим кошмарам. Он теперь их сублимировал в "общение" с женщинами. И выходило так - что именно после этого "общения" Горелову становилось легче. Он бы даже мог сказать, что совсем *излечивался*. Если бы не проходило время - и все не начиналось вновь.

Горелов был женат три раза. Когда я его встретил - он уже был разведен. И насколько я знал - жениться уже не собирался. И тогда уже было загадкой - как он справлялся в это время с теми кошмарами, которым был подчинен его разум? Но я узнал - что он все равно встречается с женщинами. И все как будто стало на свои места.

Я подумал, что наконец-то нащупал то, что могло прояснить картину. Хоть как-то объяснить жизнь Горелова. И я уцепился за его "семейную жизнь". Полагая, что именно здесь - находится много для меня "интересного".

И я не ошибся.

Несмотря на то, что окончательные выводы я, быть может, не сделал до сих пор, даже того что я узнал - мне хватило, чтобы выйти хоть на какие-то предположения. Притом что я догадывался - чем больше будет таких предположений - тем четче передо мной раскроется образ Вячеслава Аркадиевича Горелова. И я действительно не ошибся.

Отношения с любимыми женщинами - носили вполне обычный характер. Они вместе жили. Зарабатывали деньги. Пили, ели, спали, ездили на отдых, ходили в гости, принимали гостей и т. п. Так же как и у большинства из нас. В чем-то больше. Чем-то меньше. Да и интереса это для меня никакого не представляло. Но это была только одна сторона медали. Потому как то, что происходило между "двумя влюбленными" ночью... Вот здесь-то и заключалось самое любопытное... Потому как ночью... Ночью с Гореловым происходили настоящие чудеса. Впрочем, так же как и с его женами...

Глава 4

--Ты считаешь, что я должна это делать,-- большие глаза Светы удивленно смотрели на стоявшего перед ней мужа. Он стоял понуро опустив голову. Его тело клонилось вниз. И неизвестно что его поддерживало - чтобы оно окончательно не упало.

Горелов не решался посмотреть на супругу. В его сознании сейчас происходила настоящая борьба. С одной стороны,-- что-то говорило, что он должен "стоять на своем". Но с другой,-- он чувствовал такой стыд, что хотелось поскорее забиться под кровать. И

плакать, плакать, плакать... Плакать от обиды. Плакать от боли. Плакать от предчувствия того - что теперь уже в его отношениях с женщинами не будет того, что было раньше. Да и вся его жизнь - теперь пойдет по неизвестно какому маршруту.

--Ты действительно хочешь, чтобы я это сделала?--в словах жены промелькнули уже другие нотки. Она как будто уже была согласна. Но оставалась какая-то незначительная преграда, которую она вот-вот преодолеет. Но видимо требовалась помощь его. Хотя бы уверенность девушки, что это она будет делать только из-за того, что просит он. Что ему так хочется. Что ему от этого будет лучше. (Этакая, -как отметил про себя Горелов,--оправданная жертвенность. Давно и самой хочется это же сделать, да все сдерживает мысль: что о ней подумают. А теперь как вроде бы и можно. Даже наоборот. Получается, просят уже ее. А она словно "нехотя" должна согласиться. А сама ждет не дождется, чтобы начать, наконец, это делать...).

Горелов (как можно "безучастней" посмотрел на девушку. Нельзя было, чтобы на его лице - она должна была прочитать "порок". Лучше пусть думает, что он и сам не знает, как у него появляются подобные "желания").

Горелов смотрел на девушку, и видел совсем другой взгляд. Все четче было заметно, что в ней борются сейчас два желания. По одному,-- она хотела *подчиниться*. Но другое... Другое словно удерживало от этого.

Но что было самое забавное. Горелов почувствовал, что ни одно из этих желаний - было неуверенно в своей правоте. А это уже настораживало. (А может и вправду было забавным). Но что было верно - девушку вся эта борьба (как и подобные "желания") смущали. И она совсем растерялась, что же должна на самом деле делать?!..

Свете было двадцать пять. Столько же было ее мужу. У Горелова это был первый брак. Брак, который длился уже три года; и который теперь мог распасться.

А все из-за того желания, которое он так необдуманно *озвучил...*

-- Но я не могу,-- неуверенно произнесла Света.-- Мне кажется, я никогда не смогу этого сделать.

Горелов молчал. Он бы и хотел что-то сказать. Но от стыда за свою просьбу - его горло словно сдавило. И он уже сам удивлялся - от чего не задыхается.

Света была городской девушкой. Ее родители были рабочие. Отец - слесарь. Мама - формовщица. Света никогда не хотела идти по пути родителей. И только закончила институт, (факультет агрохимии), вышла замуж.

Муж,-- Вячеслав Аркадиевич Горелов,-- показался ей тогда намного старше ее. Высокий (метр восемьдесят пять - при ее не больше метра семидесяти), красивый (она всегда знала - что она некрасивая), к тому времени уже работал учителем биологии в школе. И она в него влюбилась. Влюбилась сразу. И все три года их брака - была счастлива.

--Я прошу тебя,-- жалобно посмотрел на нее Горелов.-- Ведь это тебе совсем ничего не стоит,-- просяще выдавил он из себя.-- Сделай это...

--Хорошо,-- неожиданно согласилась девушка.-- Но только чем...,- она стала оглядываться в поисках подходящего предмета.

--Не думай об этом,-- попросил Горелов.-- Ведь ты должна---

--Я сама знаю - что я должна,--властно произнесла девушка. Сейчас ее уже было не узнать. Былое смущение исчезло. Брови теперь были вскинуты вверх. Уголки губ подрагивали в усмешке. Взгляд казался невероятно твердым - и пронизывающим. Он словно просверливал Горелова.

--Раздевайся!--приказала она.

--Ну, быть может...--запротестовал было он (начал мямлить), но девушка повторила приказ.

--Живо раздевайся,--подошла она к нему, и стала стягивать с него одежду (брюки, рубашку, пиджак...) не считаясь с тем, что слышался треск, и отлетали пуговицы.

--Полегче, полегче,--попросил он, но тут же его щеку обжог удар ее ладони.

--Молчу, я буду молчать,--жалобно заскулил он, пытаясь как-то задобрить ее своей податливостью. Но Света уже вошла в роль. Теперь она наносила беспорядочные удары по его голове, телу, рукам (нелепо пытающимся закрыться...).

--Ты этого просил, этого!?!--в истерике кричала она.--Этого!?!..

Горелов в нерешительности замер. Он, было, "смутился" от такой настойчивости супруги. И в какое-то мгновение, от боли (била она его же ремнем от брюк) Горелов даже забыл, что несколькими минутами ранее - сам ее просил об этом. Он хотел испытывать боль. Мечтал ощутить подчинение, зависимость, унижение... Мечтал оказаться *растоптанным*... Чтобы совсем не считались с его какими-то протестами, желаниями, чтобы делали с ним то, что хотели. А он бы даже не мог сопротивляться... И той, которая должна быдла сделать это - должна быть его супруга... Света...

Но теперь сценарий немного выходил из-под его контроля.

Но, тем не менее, справившись с минутной паузой, света продолжила.

Ползая на карачках, полуобнаженный Горелов как будто намеревался спрятаться под диваном. Это была его давнишняя мечта. Он давно уже хотел меньше показываться окружающим на глаза. Но сейчас - ему это не удалось. Когда уже было его голова начала просовываться под диван - Горелов ощутил удар падающего на его спину тела.

Сомнений в том, что это была его жена - не было. Потому что она не только запрыгнула на него (а не упала, как он, было, подумал), но и принялась как-то уж слишком резко прыгать на нем (в прошлом, Света - член молодежной сборной по гимнастике; так что равновесие она держала хорошо). А потом, потом Света неожиданно стала хлестать его по бокам. Ему ничего не оставалось, как попытаться закрыть руками свои ребра.

Девушка словно этого и ожидала,--и Горелов ощутил, как она легла на него, и ее рука крепко обхватила его (давно уже возбужденный) орган любви.

Но полностью вкусить он наслаждение не смог, так как она почти тут же принялась впихивать какой-то предмет между его ягодиц.

--Нет, нет, мы об этом не договаривались,--попробовать протестовать Горелов.--Это уже "перебор".

--Ах, "перебор"!--Света продолжая удерживать его тело, принялась проделывать тоже самое - но теперь более энергично.

--Ну зачем же так...--то ли плача, то ли поскуливая от удовольствия протянул Горелов.

--Да что там. Наслаждайся,--про себя подумала Света, и стала вспоминать, где ее чемодан. Надо было успеть собрать вещи, и сегодня же уехать к родителям. Пока еще не закрыли метро. Но она никак не могла избавиться от ощущения, что под ней сейчас лежит ее муж. И как-то инстинктивно содрогнувшись от его вероятной боли (по ее вине!) она сползла с него, перевернуло съезжившегося от страха возможных ударов Горелова на бок, и обхватив губами его истосковавшийся член, принялась делать все, чему ее когда-то учил Горелов. Ученицей она оказалась способной. И скоро мужчина не только смог расслабиться от удовольствия, но и вновь почувствовал свою мужскую силу. И видимо чувствуя в душе какую-то вину за случившееся, девушка теперь беспрекословно выполняла все, что, она знала, "любил" ее муж.

И прошло еще какое-то время, и уже исчезла в ее душе какая-то и боль, и разочарование, и вообще все, кроме той неистовой страсти, которая сейчас завладела ею. И она неожиданно испытала самое большой в своей жизни наслаждение. Это было не то наслаждение, которое она имитировало на протяжении нескольких лет своей семейной жизни. Сейчас все произошло "по настоящему". И такого раньше никогда не было. И девушка как-то совсем по иному *закричала*. А Горелов... Насколько Горелов догадывался раньше, что что-то было не так?!.. Он вообще не вникал в эти женские крики, стоны да плачи радости... Быть может, просто верил... А может думал, что так и должно быть...

Но Света... Прошло какое-то время, и Света принялась с какой-то маниакальной настойчивостью пытаться воссоздать картину произошедшего... Стараясь удержать в памяти мельчайшие детали этому предшествующие... Наверное для того, чтобы когда-нибудь

испытать все то же... И внезапно она вновь испытала почти тоже самое... И вышло так - уже от ее же собственных мыслей... (Значит - у нее получилось...).

Не беремся судить, насколько верно Света могла объяснить себе то причину того, что ей удалось испытать с мужем впервые за три года их брака. Скорее всего, она и не смогла прийти к каким-то верным выводам.

Но зато более-менее верный ответ нашел ее муж. Который к тому времени уже почти получил вторую специальность. И теперь был волен списывать то, что наконец-то ощутила его жена (впрочем, он не был уверен, что и раньше с ней такого не было; но заметил сейчас - что "это" произошло намного сильнее, чем раньше),--в том, что ему удалось снять ее психоэмоциональные барьеры. Она словно *быраскрылась*. Почувствовала ощущение *власти*. И это настолько повысило ее собственную самооценку, что когда раньше приходилось играть, изображая оргазм, теперь этого делать не пришлось. Потому как весь ее оргазм - именно этим действием - символически выразил свое раскрепощение. Избавление от былой *закомплексованности*. И это было поистине прекрасно.

Светлана чувствовала невероятный подъем. Казалось, ей разом прибавилось столько жизненных сил, что они поднимали ее в воздух; и она двигалась - как-то удивительно легко, и словно над землей. Все дела ее спорились. Мир вокруг уже не казался мрачным. А родители - не казались такими "занудами". Да и на мужа она теперь смотрела другими глазами. Словно открыв в нем - раннее *незамеченное, неувиденное, не прочувствованное* ей. И теперь

испытывала к нему такое уважение, о котором никто бы и не подумал - если бы случайно подсмотрел то, что она проделывала со своим мужем недавно.

Но ничто, абсолютно ничто не говорило - что между ними разыгрался когда-то садо - мазохистский акт. И с тех пор как-то вышло - что и Горелов и его жена - как-то удивительно четко разделяли одну свою жизнь - от другой.

И то, что случилось ночью - совсем не пересекалось с тем, что было днем. Это как будто были их две разные жизни. И никто из них не был заинтересован,-- чтобы они наслаивались друг на друга.

Я не знаю, что вынес Горелов из того случая. Но я знаю точно, что с тех пор он стал избегать своей жены. Тогда как она - наоборот - настолько изменила свое отношение к нему, что, казалось,--заново в него влюбилась.

Но, быть может, это и испугало его. И уже как бы то ни было,-- но через несколько месяцев - он с ней развелся.

Хотя и с этим разводом - было не все так просто. Например, подав заявление - он через день его забрал. А потом - принес снова. Жена, по каким-то причинам, на суд не пришла. А когда их развели - Горелов пришел к ней (она жила у своих родителей): "просить руки". Но был чуть ли не спущен с лестницы разгневанным отцом бывшей (теперь уже бывшей) жены.

Глава 5

Самвел Арменович Мовсесян,--был мужчина обстоятельный. За свои 67 - он, казалось, не совершил ни одного промаха, ни сделал ни

одной ошибки. Чем, видимо, невероятно гордился. Больше про себя. Но иногда это просачивалось наружу. И тогда Мовсесян замечал какую-то поразительную угодливость окружающих. Хотя, заискивали перед ним всегда. И тогда, когда в советские времена - он был директором треста. И потом, когда одним из первых включился в новое время, открыв кооператив по пошиву модной одежды. И уже в наши дни, когда в введении Мовсесяна было несколько фабрик по производству обуви.

Он был их владельцем и директором в одном лице. И так получилось, что приучив себя (много лет назад) к "хорошей жизни" - Мовсесяну не пришлось отвыкать. Всю жизнь он прожил в Петербурге. И если городу приходилось менять название - ему не пришлось. Он всегда оставался один и тот же: веселый, улыбающийся, и уверенный в себе. Две его дочери - были выданы замуж. Одна - за бизнесмена из Канады (когда-то с ним у Мовсесяна были "интересы" в одном проекте). Другая - стала женой банкира из Армении (родине Мовсесяна, на которой он, впрочем, никогда не был). Были у Самвела Арменовича и два сына. И они тоже были "пристроены". Старший,-- тренировал профессиональных боксеров в каком-то германском клубе. Младший - помогал отцу по бизнесу здесь, в Питере.

Была у Мовсесяна одна особенность, которую он до поры до времени скрывал даже от близко (так им казалось) знавших его людей. Мовсесян любил мальчиков.

Но это почти никак не было заметно в его обычной жизни. Проживший большую часть времени при коммунистическом режиме, Самвел Арменович просто не мог допустить, чтобы об этом узнали окружающие. И та конспирация, которую он предпринимал,-- доходила иной раз до абсурда. Но - именно она: позволяла Мовсесяну долгое

время оставаться неуязвимым для конкурентов. Ибо, прознав про подобное, была вероятность, что кто-то и не удержится, чтобы не сыграть на этой "слабости" Самвела Арменовича.

Но Мовсесян был неуязвим. Иной раз он и в собственных представлениях уподоблялся чем-то сродни "монолиту". Хотя внешне - -не располагал к какому-то уж слишком осязаемому страху, при виде его. Роста был среднего; сложения - крепкого. Носил окладистую бороду и очки. Правда, и очки и борода - появились уже после. Совсем недавно. А до этого Мовсесян гордился своими усами. (Причем, на удивление, ни борода, ни усы - ему не шли. Как не шли и та пышная шевелюра, которая якобы была "его", но кое-кто догадывался, что это был парик).

И в конце концов я узнал, что и пышная шевелюра, и борода, и усы,-- были фальшивыми; накладными - для той же конспирации, соблюдение правил которой - позволяло Мовсесяну жить своей второй жизнью так, как он хотел бы - если бы она была первая.

Кроме того, Мовсесян хромал. Но и хромота оказалась мнимой. И для меня долгое время оставалась загадкой, что общего было у Мовсесяна - с Гореловым. Я наблюдал за ними; что-то сопоставлял. Что-то анализировал. Но ни к какому результату не приходил. И уже было подумал, что дело в сексуальных наклонностях Мовсесяна - как правда открылась сама собой. И оказалось, что Мовсесян когда-то был другом отца Горелова (погибшего при невыясненных обстоятельствах когда был в заграничной командировке: отец Горелова был моряком дальнего плавания. Правда, по другим слухам, полярный летчик). И как только узнал я об этом, то тотчас же как будто в моей голове что-то "сошлось". По крайней мере, у меня были все основания предполагать, что

Мовсесян как-то замешан в истории со смертью отца Горелова. И он, по всей видимости, должен испытывать бессознательно чувство вины перед сыном погибшего друга.

И в чем-то я рассуждал верно. Но на самом деле оказалось (то, что я передаю сейчас столь сжато - могло исчисляться событийными моментами месяцев. Целых месяцев, за которые я собирал факты, да анализировал детали),--что как таковую вину - должен испытывать не Мовсесян, а Горелов. Который и был причиной того, что его отец ушел в ту злополучную экспедицию. Тогда как именно Мовсесян - уговаривал его остаться, ссылаясь на какое-то свое "нехорошее" предчувствие.

Горелов-младший тогда только-только разбил новенький "Москвич" отца. Да еще и сбил двоих пассажиров, когда решил скрыться с места аварии (он влетел в телефонную будку. Никого там не было. Но Горелов был пьян. И просто не мог сидеть и дожидаться милиции).

С потерпевшими удалось "договориться". Сошлись на полторатысячах "каждому". Да еще "Москвич" в подарок. Но "Москвич" нужно было восстанавливать. А деньги - нужно было заработать (брать в долг - отец Горелова отказывался принципиально. И запретил это делать нерадивому сыну. А у самого Горелова - в то время студента-второкурсника,-- таких денег не было).

В общем, отец Горелова уехал. Потерпевшие согласились подождать (почему-то "поверив на слово" и забрав свое заявление из милиции). Но из экспедиции - Горелов старший уже не вернулся.

Вячеслав после этого замкнулся. Стал каким-то мрачным и нелюдимым. В присутствии Мовсесяна черты его лица несколько

разглаживались. Все-таки он общался с человеком, знавшим когда-то его отца. И этого было достаточно, чтобы смотреть на него сквозь розовые очки. (Впрочем, это уже мое, быть может, субъективное мнение. И между ними была на самом деле искренняя дружба).

Глава 6

Алик Яковлевич Кучеров - был по-своему уникальный человек. Несмотря на 41 год - ни разу в жизни не работал по трудовой книжке. Все время - как-то наскоками, выхватывая кусок пожирнее - и тут же уходя в тень.

Затаившись на время, Алик также внезапно появлялся вновь, и на удивление - находил работу. Какое-то время работал. А потом снова исчезал.

Как-то так получалось, что никто из его новых "работодателей" - не пересекался с прежними. Да я уже и не думаю, что если бы кто случайно натолкнулся друг на друга,--то сделал бы вид - что Алик Кучеров - их не только никогда не "подставил" (хотя это было не так. Все бывшие "работодатели" Алика ненавидели его), но и такого "персонажа" - они совсем не знают.

Алик этим пользовался. Каким-то удивительным образом находя людей,--из тех, которым всегда было что "скрывать". Да и в Алике они угадывали *проходимца* - похожего на них. Просто никак не думали, что он скроется раньше, чем они посчитают необходимым - вышвырнуть его вон!

Алик был худой, длинный, нескладный. Носил рыжие волосы (по всей видимости, крашенные). Брился всегда два раза в день. Ходил

в костюме. Но таком страшном, что у всех, кто его знал -- хоть раз, но появлялось бессознательное желание купить ему что-то получше. И на удивление, Алик бы взял. Без раздумий бы взял. Да никто не предлагал.

Алик был действительно "проходимец". Но это как-то выходило у него само собой. И словно от него - и не зависело. А потому, и раскаяния никакого нельзя было у него увидеть - никогда. Да и он, впрочем, давно приучил себя - принимать любые беды да несчастья - как должное. Совсем не печалась - что в глазах окружающих - выглядит, по меньшей мере, странным. Просто "окружающие" не знали как себя с ним вести. Все-таки было в нем что-то - что подкупало; располагало к себе. Но вот что же это было - никто как-то не решался себе признаться. Быть может, не знали?

В отношениях между Аликом Кучеровым и Вячеславом Аркадиевичем Гореловым просматривалась какая-то странная дружба. И, по всей видимости - такой уж дружбой это не назовешь. Но иной раз между ними возникала такая поддержка одного другим - что, пожалуй, и запутались бы с самые внимательные биографы, надумай, когда писать биографию обоим, или кого-то из них.

Их союз был странен. Дружба - подозрительна. Но... какая-то неразлучная.

Причем,-- на удивление,-- их вроде бы никогда и не связывали какие-то общие дела. И даже интересы - их были различны. И уже почти что самое интересное - они и встречались-то редко. Так редко, что спроси у одного: "когда он видел другого?";--и... не ответил тот бы так сразу. Запнулся бы. Задумался. Притом, что может и видел-то как раз только вчера. Но какая-то пелена стояла в глазах одного - при

упоминании имени другого. И не находилось объяснение - почему так происходило. А может никто не задумывался?

Алика я видел несколько раз. Впечатления он на меня никакого не произвел. Быть может оттого, что как-то излишне скованно держался при мне. Видимо, ему необходимо было время, чтобы разобраться в человеке. А я ему такой возможности не давал. Лишь на миг появляясь перед ним. И тут же спешил по каким-то своим делам. О чем, признаться, пожалел. Ибо стал подозревать, что Алик играет в жизни Горелова какую-то значимую роль. Но когда осознал это - Алик уже где-то "отлеживался" после разорения очередной фирмы, куда его ("по недоразумению") приняли на должность "главного консультанта". Думаю, что такую должность он придумывал для себя сам. Ну а "консультировал" Алик всегда в пользу одного человека - себя. И как только он становился одним из звеньев цепочки, по которой проходили финансовые потоки - он весь выворачивался наизнанку, показывая такую "осведомленность" в денежных вопросах, что вызывал в своем прямом начальнике только *восхищение*. *Восхищение*,-- а значит и доверие.

И Алик добивался своего. Его постепенно брали во все большую "игру". И он оправдывал надежды своего хозяина. Там где был Алик Кучеров - можно было быть уверенным, что дело не только "удастся", но и Алик сделает все, чтобы хозяин получил максимальную прибыль. И только когда Алик чувствовал что суммы наконец-то достигли своего максимума (или почти максимума),--он исчезал. С деньгами. И это всегда было таким потрясением для его недавних "работодателей" -- что несколько дней они находились в состоянии своего рода стопора. Никак не решаясь подумать "самого плохого".

И Алик об этом тоже знал. Поэтому "залегая на дно" -- он был уверен, что все пройдет - для него - в самом лучшем виде.

И он оказывался прав.

Что до "кинутых" им хозяев?... Да некоторые из них даже не начинали поиски. Стараясь поскорее забыть о неудаче, да выбросить Алика из головы.

Но и те, которые его искали - вскоре расстраивались еще больше. Теперь от своего бессилия что-либо сделать. И, в конце концов, тоже прекращали поиски. И также старались поскорее забыть о недавнем обмане.

Глава 7

Эта сумасшедшая реальность... Сколько раз Горелов пытался "договориться"; как-то "подмять" ее под себя; подчинить. И почти ни разу за последние годы ему это не удавалось. Да и раньше - если вспомнить - тоже получалось что-то непонятное. И никогда нельзя было быть уверенным - что он мог наслаждаться каким-то (хоть относительным) "спокойствием" и контролем ситуации. Почти никогда ему это не удавалось. Хотя он не оставлял попытки.

Он и сейчас еще пытался. Продолжал на что-то надеяться. Продолжал "уверить" себя - что ничего не происходит...

...Обманывал... Вячеслав Аркадиевич давно догадывался, что он обманывает себя. Но ничто не могло его заставить принять эту реальность. Смириться с ней. А наоборот. Стоило ему только начинать думать об этом - и тотчас же какой-то кошмар начинал рождаться в его голове. Набирать силу. Увеличиваться в размерах. И уже ничто не

способно было его заглушить. Как и заглушить то искаженное (о том, что оно "искаженное", он еще догадывался) представление об окружающем мире, с которым ему приходилось в такие минуты жить.

И он ведь как будто чувствовал, что что-то совсем не так. Что это не должно быть "так". Но и почти точно также - он не знал: как оно вообще должно было быть?..

Можно было сказать, что Горелов сам провоцировал у себя возникновение подобной "запутанности" сознания. Он как-то разом давал выход каким-то темным (скрывающимся доселе) силам... И где они на самом деле "скрывались": в глубинах сознания ли?.. только в подсознании?.. или лежали на поверхности, но были по каким-то причинам "не заметны" - он не знал. И лишь только искренне подозревал - что любое такое "знание" может "выйти боком" -- уже ему. И стоило только на какое-то длительное время акцентировать на этом свое внимание - как уже неизведанные внутренние переживания подступали к нему. И тогда любой его взгляд на окружающий мир - не только искажался, но и... Впрочем, этого "искажения" уже было достаточно. Вполне достаточно для того, чтобы Горелов совсем прекращал "желать" того, что для него - когда-то, еще совсем недавно - имело хоть какое-то значение. И теперь можно было заметить - что он словно и *наслаждался* тем, что в результате всего этого - "являлось" перед ним. И было это настолько неожиданно,--что совсем не хотелось допускать какого-то... избавления...

Нет. Вряд ли он не понимал, что все то, что происходит с ним в это время - имеет хоть минимально положительный уклон. Это скорее было падение в пропасть. И Горелов просто не мог этого не понимать. И уже тогда в том, что он даже не решался что-то противопоставить *такому* своему состоянию... В этом, скорее всего,

проявлялась... *усталость* человека. Усталость от жизни (банально,--но у него не было сил обращать внимание на "шаблонные" фразы), и от непонимания того, что же он на самом деле должен был делать, чтобы хоть как-то - предотвратить дальнейшее проникновение этого "зла" в его память, кровь, разум?..

Он смирился. Он давно уже смирился. Смирился, сам опасаясь себе в этом признаться. Смирился, боясь лишний раз подумать об этом.

Иногда с ним случалось удивительное *видение* "проблемы". Та находилась под его контролем. А он так небрежно - забавлялся с ней. То отпуская, то притягивая к себе. И всячески демонстрируя свою абсолютную власть.

Но как же ему приходилось расплачиваться за это!..

-- Сволочь, сволочь, сволочь,-- Горелов уже час крушил мебель в комнате. На даче. Этим объяснялось, что соседи еще не вызвали милицию. Ближайшие несколько домиков к его участку - были пустыми. Продавались. Но Горелов об этом не знал. Да и был он как-то "занят" сейчас другим. А в "такое время" - он привык никого не замечать.

Горелов крушил мебель. В его руках была какая-то нелепая палка. Но с равным успехом вместо нее могло быть что угодно. У него не было возможности думать о таких "мелочах". И быть может даже - уже в руках его, за этот час, побывала и не только палка. Но если не замечал он - надо ли нам фиксировать то, что это были (последовательно сменяемые - у нас на бумаге, и хаотично подбираемые у него): кусок каната; ваза; вешалка (2 раза); сапог (один); ну, наконец,--палка. Видимо она как ничто другое подходило ему. По крайней мере, удары он наносил (если смотреть "со стороны", конечно)

не только с остервенением, но и с какой-то любовью. Любовью тайной, может и незаметной сразу. Но по тому, как он на какую-то долю секунды (так, что вполне может показаться, что этого и не было) задерживал свой взгляд на том месте, куда только что пришелся удар (летели щепки; взрывалось брызгами стекло), можно было предположить что-то не очень хорошее.

Хотя - "что"? Эта была вполне типичная странность ли, особенность ли психики этого человека. И смеем Вас уверить, что это на самом деле - такой мизер того, что нам показалось бы в этом человеке "нелепым",--что даже и не обратили бы мы на это внимание, если бы Горелов не производил такой шум. И покончив с мебелью (сервис, домашняя техника и т. п. - исключением не были; ну, т. е. - их *уже* не было),-- Горелов на секунду, было, задумавшись: на что обратить свой гнев дальше, принялся было за стекла, но, разбив одно, внезапно отшвырнул палку, и заплакал.

И рыдал, ползая по полу, и то обхватывал своими руками голову (словно стремясь сдавить, задушить что-то там, что мешало ему),--то беспомощно хлопал этими руками-ластами по полу. Ладонькой. Получалось плашмя, и напоминало какую-то ассоциацию с земноводным млекопитающим.

Но Горелову было совершенно безразлично сейчас - с кем его кто-то сравнивал. С ним вообще случился тот кризис, который он всегда боялся. Это состояние внутренней опустошенности. Когда внезапно потерял смысл жизни. И за этим - вновь шаблонным - выражением, на самом деле скрывалось то, что Горелов просто осознал собственное безумие. Осознал, что уже никогда он не станет другим. Прежним. (Каким, вероятно, все же был, скажем в юности). Причем, на удивление, как раз в эти минуты (и часом раньше - тоже), Горелова на

миг "отпускало". Ровно "на столько", и "для того" -- чтобы осознать тот ужас, в котором ему теперь приходилось жить.

И ведь совсем неизвестно было - насколько ему еще будет возможно выбраться из того ада - куда он знал - скоро вновь предстоит погружаться...

Глава 8

--Ты должна снова это попробовать,--попросил Горелов, внимательно посмотрев на Аню, словно оценивая про себя: способна ли она сделать то, о чем он просит?

Девушка молчала.

В ней тоже сейчас происходила какая-то борьба.

С одной стороны - были заплачены деньги. Мужчина "снял" ее на всю ночь. И всю ночь она должна была "подчиняясь" ему - отрабатывать деньги.

Но с другой стороны,--она догадывалась, что не должна противиться такому его желанию. Причем, получалось, и делать-то ей особо ничего не надо было. Ну, разве что - бить его, как он просил. Да надеть этот чертов костюм (что он принес).

Так называемый "костюм" -- совсем не напоминал то, что в ее представлении было свойственно садо-мазохистским игрищам (ведь об этом ее сейчас просили). Это был почему-то костюм "деловой женщины". Такой бы она с удовольствием носила, если бы не провалила вступительные экзамены в институт. Тогда бы она устроилась - как и предполагала - в какую-нибудь серьезную организацию. И была бы сейчас менеджером, а не проституткой.

Но она была проституткой. Вместо учебы на третьем курсе (как уже должно было быть),--она третий год работала в агентстве - девушкой по вызову. Ну, проституткой, то есть. И даже сама уже смирилась, что она блять. Которая за "это" -- получает еще и деньги. Так почему же она не должна выполнять то, о чем ее "просят". Ведь это намного лучше,--чем бы ей это "приказали".

Аня взяла заботливо перевязанный (им? -- она посмотрела на ежившегося, то ли от холода, то ли от нерешительности, мужчину) пучок прутьев. Этот пучок казался не настолько толстым, чтобы его невозможно было обхватить. И состоял из не более десятка ивовых ветвей. Так что - и сломаться он тоже не мог.

--Ну что же ты,--приободрился Горелов.-- В его взгляде она увидела "ожидание". И неуверенно замахнувшись - ударила им мужчину по лицу.

--По лицу не бей, -- вырвалось у Горелова.--Сука,-- добавил он и заплакал.

Неожиданно в девушке вспыхнула какая-то злоба. Совсем не считаясь с силой ударов - она начала хлестать Горелова, не задумываясь, куда она его должна бить (а куда собственно должна?).

Подспудно она еще и ожидала каких-то гневных окриков со стороны мужчины. Но вместо этого, он упал на четвереньки и стал уползать от нее.

"Мразь",--подумала Аня. И отбросив ивовые ветви, вытащила из сумочки деньги - и швырнула на пол.

--Засунь эти баксы себе в задницу,--гневно выругавшись сказала она, и, повернувшись, уже собралась было уйти, как почувствовала что ее сбили с ног, и кто-то выкрикивая проклятия, принялся грубо срывать с нее одежду. Высвободиться она не могла. Мужчина весил намного

больше, и пригвожденная его телом к полу, она делала совсем уж неуверенные попытки перевернуть его.

Тут же она ощутила, как что-то проникает в ее тело, доставляя сначала боль, а потом (ей стыдно в этом признаться) наслаждение.

--Отпусти... Подонок... Подонок..,--в бессилии шептала девушка, но было видно что она уже смирилась со своей "долей", и как-то подсознательно ожидает "продолжения".

Горелов ее насиловал час.

Казалось, все недавнее унижение находило выход в этом "акте любви". Любви за деньги. И это - совсем сняло какие-то психологические запреты в его сознании, позволив ему максимально *раскрепоститься*, и чувствовать себя "хозяином положения".

Никогда раньше ему не было *так хорошо*. Это был его первый опыт сексуальных отношений за деньги. И - на удивление - он заметил, что как раз именно этого ему раньше и не хватало.

То удовольствие, которое он, собственно, испытывал, было совсем не доступно ему раньше. Он вдруг ощутил - что ему совсем не нужно что-то скрывать. Играть. Казаться "лучше". Он впервые мог быть самим собой. И это вызвало в его душе такой эмоциональный подъем, что он испытал совсем неизведанную им раньше "мужскую силу". То, что в каких-то редких контактах с женой (а Света, уже бывшая жена, и была его первой и единственной женщиной) только вспыхивало на миг и тут же заканчивалось - теперь подчинялось каким-то иным совсем необъяснимым "законам". Ему даже впервые захотелось чтобы "это" -- не прекращалось. И он с отчаянной настойчивостью врывался в тело распластанной перед ним женщины. А

она как-то интуитивно угадывала, что ему сейчас больше всего хотелось - и всем своим видом (стонами, телодвижениями) демонстрировала ту самую "покорность", -- которой ему всегда недоставало.

Мне думается, Горелов всегда хотел именно этого. Его первоначальное желание "быть униженным", было, вероятно, только неким первым пластом, оболочкой; подобное желание было как бы подтверждением существования всей его жизни. Его унижали долго и всегда. Унижали большей частью морально. Хотя иногда он и терпел побои от одноклассников да дворовых ребят. Так было, когда он еще не ходил в школу. Ничего не изменилось - когда он стал учиться в школе. И осознание своей первой какой-то "значительности" (а школа это, своего рода, изменение прежнего статуса; переход на новую ступень в социальной значимости),--почти сразу же сменилось еще большим разочарованием. Теперь его унижали *изошреннее*. И с каждым переходом в следующий класс - ничего не менялось. Лишь только когда он становился еще более старше - к унижениям от одноклассников,--прибавились ухмылки и уничижительные жесты одноклассниц.

О том, чтобы дружить с кем-то - не могло быть и речи. Все время он вынужден был находиться на огневом рубеже. В любую минуту его могли унижить, оскорбить, насмеяться над ним. Даже некоторые учителя "включались" в игру. Его чаще чем кого-либо вызывали к доске. Старались сбить его и без того бессвязные ответы - каким-то запутанным вопросом. Причем были любители настолько

мудрено задавать этот вопрос - что перед школьником представлял смысл не самого вопроса - а его подноготной сути.

В которой он тотчас же угадывал обращение именно в свой адрес.

И на каком-то этапе школьных лет - Слава Горелов просто-напросто замкнулся в себе. И временами он настолько погружался в свой внутренний мир (мир книг и книжных персонажей), что он становился совсем не способен вовремя возвратиться обратно. И постепенно он настолько отдалился от всех - что его как вроде бы уже и оставили в покое. Образовался какой-то вакуум между ним и окружающими. Словно между ними случилась какая-то удивительная "договоренность". Они - не замечали его. Но, прежде всего, не замечал их он.

И ведь не сказать, что ему (от этого) стало легче жить. Такое было бы и невозможно утверждать. Но все дело в том, - смотря в какой плоскости видеть такую ситуацию. Причем, как-то получалось, что почти все "действующие лица" -- видели эту самую ситуацию под своими "нужными и доступными им) углами. И уже совсем было невозможно найти человека, который способен был верно сказать: в чем же заключалась главная ошибка? Что на самом деле означал тот, или иной поступок? К чему способен был привести тот или иной "поведенческий мотив"?

Все перемешалось каким-то невообразимым образом. И если бы посмотрел какой сторонний наблюдатель на происходящее - оно показалось бы ему настолько нереальным, что только бы развел он от безысходности руки. Да убедил бы себя - обратить свой взор - на что-нибудь другое. Менее загадочное и абсурдное.

Ситуация происходящая со Славой Гореловым (в его школьные; да и институтские) годы, действительно не укладывалась в какие-то усредненные рамки. Все настолько смешалось, что требовалась серьезная аналитическая работа - чтобы хоть как-то отделить то, что было наносным и поверхностным, - от имеющего хоть какое-то значение.

Но уже тогда, когда (как вроде бы) получалось и это - все равно это еще не означало - что в скором времени все может закончиться. Отнюдь. И это уже - как вроде бы - и совсем ничего не означало. Так же, как совсем не было понятно - чего же, собственно, добивалась "каждая из сторон". Ну, Горелов, предположим, уже хотел только одного - чтобы его оставили в покое. Тогда как его одноклассники?.. Да, наверное, они и вовсе ничего не хотели. Просто в нападках на Горелова - находили они удовлетворение каким-то своим бессознательным стремлениям да патологическим *наклонностям*. И значит, в какой-то мере, его существование - было для них невероятно важно. Ведь Горелов сам того не подозревая, позволял другим - отыгрывать на нем какие-то бессознательные желания. А потому, как он терпел это (со временем - смирившись),--можно было судить о том, что и он находил в этой необходимости собственного унижения - что-то свое. Ну, скажем,-- внутреннее *успокоение* (избавление от *тревожности*). Ведь зная, что в какой-то мере "доставлял удовольствие" другим (вбирая в себя их удары, щипки, пинки, ругательные слова обзывающие его),--Горелов словно на время позволял ситуации разряжаться. А только что "обидевший" его человек - чувствовал к нему какую-то подсознательную благодарность. И пусть на незначительный миг - но становился в отношении него - добрее.

Да и уже рассматривал Славу Горелова как некую "собственность". И чем сильнее других оказывался такой человек, чем больше был у него дворовый авторитет - тем легче становилось жить Слове Горелову. Его словно брали под защиту. И пусть эта "защита" напоминала "покупку" (а кто захочет отдать свою собственность другому?),--Горелов старался не замечать этого.

Он действительно находил успокоение в этом. И он боялся признаться даже себе - что на самом деле его мечта быть в другой роли. Да он бы с удовольствием унижал и сам. Если бы... Если бы только - кто дал ему такую возможность...

Глава 9

Она чувствовала, что мужчина приближается к финалу. И почти одновременно с этим - девушка испытала двойное чувство. С одной стороны - эта какая-то внутренняя радость от того, что все закончилось. С другой, ее как будто лишили чего-то очень близкого. И потому какая-то "радость" -- уже смешивалась с... досадой. Было и еще одно чувство. Найти какое-то верное ему определение - Аня не могла. Здесь словно одно стало наслаиваться на другое. И удовлетворение от выполненной работы - перемешивалось с осознанием того, что это именно она - подарила удовольствие мужчине.

Ей почему-то казалось, что мужчина, который был перед ней - отличается от тех, что были у нее раньше.

Занималась она "подобными делами" недолго. Третий год. Но за это время "пропустила" через себя столько мужиков, что при ином

каком "раскладе" (благоприятном... конечно же, благоприятном...),-- давно уже могла бы вести более-менее обеспеченную жизнь.

Но это оказывалось совершенно невозможно сейчас. Деньги хоть и были постоянно - но это были совсем не те "суммы", которые она желала. Менялась она. Менялись ее потребности. Лишь интересы Ани не изменялись. И даже несколько раз было вспыхнувшее чувство любви к клиентам,-- тот час же заглушалось ей. Ведь этого было делать нельзя. Совсем нельзя. "Сказка" - не работает в реальной жизни. И ничего кроме разочарования - принести не сможет. Так ее учила мать. Об этом говорила лучшая подруга. И почти открыто - об этом же - говорил ее сутенер, Олег.

И что было самое удивительное - об этом знала и она сама. Но и даже несмотря на эти свои "знания",-- как-то бессознательно она все равно продолжала тянуться к вере "в сказку".

Она не решалась об этом говорить. Не делилась о том с подругами (да и не подруги вовсе, а так "коллеги" по цеху). Лишь, быть может, как-то опасливо - нечто похожее проскакивало в разговорах с матерью. Разговоры были по телефону (мать жила в другом городе с новым мужем. Отец Ани давно их оставил, и жил неизвестно где). Причем, Аня - как могла - разбивала любые подозрения мамы, уверяя, что успешно сдала сессию, и перешла уже на 3-й курс. (В 17 приехала в Питер, поступать в институт. Сейчас ей 19. Так что - все сходится).

И ведь словно стыдилась она своих "чувств". Но - не решаясь открыться "заказывавшим ее" мужчинам - она все равно подсознательно искала среди них того, кто сможет полюбить ее.

Кое-кто из подруг Ани "по цеху" -- угадывал ее настроение. И перешептываясь за ее спиной - они, тем не менее, время от времени с

какой-то надеждой всматривались в нее. Словно ожидая - что ей и действительно удастся.

--Абсурд... Конечно же, абсурд,--не раз проносилась перед Аней предательская мысль.-- Но за то какой прекрасный!.. --мечтательно думала она. И... ей действительно становилось немного легче.

--Тогда, быть может, это - и не совсем то, что должно быть?-- сомнения (а все таки, в большинстве случаев, были именно сомнения) отзывались мучительной тоской; и служили причиной - того "упаднического" настроения, с которым она уже было и не расставалась.

Но что ей хотелось сейчас?.. Что она думала про мужчину (Горелов), который в каком-то счастливом измождении лежал рядом с ней, пытаясь рукой нащупать пачку сигарет, и который был словно не в состоянии вернуться в реальность.

Аня вдруг подумала, что он и не так уж спешит возвращаться в эту самую реальность. Стремясь ухватиться хоть за что-то, что могло бы отдалить приближение ее.

И в этом девушка почувствовала какое-то необъяснимое единение и родство с собой.

Она уже не думала о своей любви. Она не искала ее. Она просто сделала все, чтобы этот мужчина - вновь "любил" ее. И - на удивление (удивление, прежде всего Горелова),--у него получилось.

.....

Уже год как они встречались.

Любовью это назвать было нельзя. Но и чем-то иным - никому из них не хотелось. Да и невозможно. Рамки привычных отношений были заметно смещены. Ни у кого из них раньше - ничего похожего не было.

Она не оставила свою работу. Он знал что ее - помимо него - "любят" еще десятки мужчин. Притом, что она знала наверняка - что у него - никого кроме нее - не было.

И он как-то удивительно закрывал глаза на все. Вернее,--до сих пор еще боялся их открыть. И живя в каком-то своем, иллюзорном мире - он оказывался счастлив, когда иногда - ощущал ее присутствие рядом.

Ему этого хватало. Он бы умер - если бы у него оказалось бы больше - чем есть. И он даже не стремился удержать (единожды появившееся) мгновение. Он вообще об этом не думал. Он просто жил. И давал жить ей.

А что до любви... Так никто никогда не определял и "рамок" подобного. А тем более какую-то границу совсем невозможно было провести - если касалось Горелова. У него давно все смешалось. И он только единожды подумал о том, что стоит ему попытаться проанализировать свою жизнь - как тотчас же он потеряет все. И уже не думал он об этом. А о чем он думал? Так и без того - забот хватало...

Глава 10

Горелов ощущал, что сходит с ума.

Случилось это не сразу. Да еще и не сошел он. Но он знал - что с каждым прожитым днем - состояние его психики - должно ухудшаться. Ну, хотя бы просто оттого, - что не могло быть иначе. И в

том, что это происходит "так", -- Горелов совсем не видел чьей-то вины. Так же как не ощущал себя виновным и сам. Он просто все больше и больше погружался в какой-то неведомый ему мир. Мир несбывшихся иллюзий и фантазий разума. Мир, который он все время пытался постичь. Мир, который все время ускользал от него.

А ведь как хотелось бы - прощупав алгоритм действий - поменяться ролями. И наоборот - стать кукловодом. Режиссером необъяснимого спектакля. Спектакля, начало которого он все время пропускал. А до конца - не досиживал. И только смотрел все время с середины. Но количество актов - каким-то невообразимым образом все время менялось. И от того, никак не удавалось ему - хоть что-нибудь понять из того, что происходит. И если даже (случалось) он начинал о чем-то догадываться - истинный смысл тотчас же ускользал от него. И совсем невозможно было определить: что происходит?

А быть может, и на самом деле - ничего не происходило?

Если бы...

Если бы он мог надеяться, что это так. Если бы Вячеслав Аркадиевич мог надеяться хотя бы на возможность появления десятой, сотой, тысячной доли этого... Но перед ним уже давно разверзлась "пустота". И эта "пустота" появлялась всегда. Когда хотел он хоть в чем-то разобраться. И даже когда только - собирался подумать об этом.

Нет. Совсем невозможно было ему сделать хоть что-то подобное. Совсем невозможно. Нет. Совсем. Невозможно.

И уже тогда, Вячеслав Аркадиевич Горелов и не пытался, на самом деле, повторить какие-то свои попытки.

Он вполне был удовлетворен реальностью. Той иллюзорной реальностью, в которой жил. В которой ему приходилось жить. В которой - он существовал...

.....

Самое ужасное то, что Горелов до конца не разобрался в симпатиях. Одно время ему даже казалось,-- что ничего *такого* и не было. Так. Что-то непонятное, и слегка не укладывающееся в представление о "норме",-- он имел весьма смутные представления. Замечая что-то у других - сравнивал с собой. И - не находил серьезных отличий.

И уже было казалось ему - что он просто ошибается. А то, что он принял за начало развивающейся в его психике патологии - на самом деле ничто иное, как...

Горелов судорожно листал МКБ (международные классификации болезней), вчитываясь в описываемые в нем симптомы заболеваний, и инстинктивно примеряя их к себе. Все время немножко "не дотягивало". Вроде и совпадало по одному какому симптому. Но других ("обязательных") он не находил.

Полтора часовые поиски результатов не принесли. И с чего выходило,-- что еще совсем нельзя было с решимостью о чем-то утверждать.

Но почти также - как-то неловко было говорить, что он полностью был здоров. То в одном, то в другом случае - проскакивал

какой-то симптомчик, который он с легкостью (и, зачастую, уже давно) находил у себя.

--Неужели он болен?-- содрогнулся Горелов.

Но что-то противилось в нем, чтобы утверждать подобное. Ведь, по большому счету, еще ничего до конца было неясно. Да и не совпадало все до конца.

Но и какого-то "конца", Горелов дожидаться не собирался.

Когда он закончил второй институт, знаний у него (об интересующем предмете) заметно прибавилось. Точно также, как и прибавилось уверенности в том, что совсем было бы ошибочным выносить какое-то окончательное решение.

Правда, жизнь - казалось, совсем не хотела считаться и с знаниями Вячеслава Аркадиевича; и с его "уверенностью". И по-своему устанавливало свою диктатуру над его психикой.

Бывало, на него наваливались ощущения какой-то жуткой тревожности. И все это усиливалось тем, что и причину, как будто, он сразу не находил. Словно происходило все само собой. Существовало совсем независимо ни от чего. И если это было столь неопределенно - то и каких-то способов противостоять этому - как будто не существовало.

Непонятный ужас охватывал Горелова, как только он просыпался.

И даже во сне - было какое-то нехорошее предчувствие.

Просыпаясь, Вячеслав Аркадиевич осторожно открывал глаза.

Он всегда удивлялся, что перед ним оказывалась все та же обстановка его комнаты, которая не менялась на протяжении многих лет. И каждый раз, он с ужасом содрогался, ожидая, вероятно, увидеть что-то другое.

Но это были его только первые мысли. Проходила секунда (две, три... счет почти ни при чем), и Горелову уже сдавливало горло от вырывающегося из него стона. Нет, он не стонал. Ему много раз хотелось сделать именно это, но он сдерживал себя. Сдерживал, внутренне содрогаясь от опустошенности.

Почти тотчас же (словно и дожидаясь чего-то прибыльного) в его голове - сменяя одну другую, и словно подчиняясь какому-то единожды введенному порядку - стали проноситься мысли.

Делали они это неспешно. Словно давая возможность, чтобы он наслаждался каждой из них. Чтобы он осознал то значение, которое было спрятано иной раз столь глубоко, что, казалось, совсем невозможно было извлечь это наружу. Но считать так - значит ошибаться. Да и участие, какого-то, от Горелова - не требовалось. Если что было слишком сложно для понимания,-- это повторялось вновь. Причем, приходило тогда, когда Горелов находился в состоянии, способном осознать весь тот ужасающий смысл, которые - каждая из этих мыслей - несла в себе.

Не все было так плохо,-- пытался ободрить себя Горелов. Но как только произносил он эти слова - все наоборот - усиливалось в нем. И у него тотчас же становилось настолько плохо и отвратительно на душе, что какая-то надежда на (пусть и перспективу) то, что все "плохое" пройдет - исчезала столь быстро и стремительно, что мечтать догнать

улетавшую мысль - было невозможно. Так же как оказывалось невозможно предпринять что-то. Дабы не допустить повторения подобного впредь.

Да и мысли-то эти, в одно прекрасное (для них, но не для Горелова) время - вдруг стало "страховать" сами себя. И будучи продублированными, они вскоре распались на несколько составляющих. И также как невозможно было отличить одну от другой, теперь столь же оказывалось невозможным - и избавиться от этого.

--Чертовщина какая-то,--не раз восклицал Горелов. И почти всегда ощущал (словно в ответ на эти слова) ухудшение самочувствия.

Его самочувствие действительно было неважным. Он давно уже забыл про какой-то нормальный сон. Питался урывками. Да и только тогда, когда у него был аппетит.

В большинстве случаев, ни сна, ни аппетита - не было. И тогда приходилось погружаться вглубь себя. И общаясь там с самим собой - хоть как-то "договариваться".

Глава 11

--Опять начались эти состояния...

Горелов откинул одеяло и попытался встать. Но как оказалось - это было не так-то просто.

--Что с ним происходит,--подумал о себе Горелов в третьем лице. С недавних пор он часто стал видеть себя как бы со стороны.

--Деперсонализация,--безрадостно подумал он.-- Кажется так это называется...

Горелов все же встал. Тревожность, которая - он знал - должна вновь появиться (почти всегда она приходила, стоило ему только открыть глаза) почему-то не появлялась.

--Быть может, уже не придет,--подумал он, и тут же ощутил, как его тело начинает слегка подрагивать. Мозг давно уже отказывался что-либо понимать.

--Они убили его,--появилась у Горелова мысль. И несмотря на то, что он тут же почувствовал нелепость ее - тем не менее, подспудно понимал, что это, по всей видимости, так. Ну, или, почти так.

--Они убили его,--повторил он.

Предатель,--зачем-то сказал он, потому что совсем не был уверен, что в такой ситуации как у него, что-либо зависело от его мозга.

В какой-то мере это могло показаться печальным. Потому что в ином случае - по крайней мере, была известна причина.

Но никаких травм головы (вообще за свою жизнь) он не получал. Горелов никогда не употреблял алкогольных напитков. Не курил. Всегда придерживался более-менее четкого распорядка дня. Он даже от сексуальных излишеств себя защищал тем, что не вступал в сексуальные контакты с женщинами. Да он и боялся их. Женщин. Так же как и боялся - вообще какого-либо общества.

Если бы у него была такая возможность - он бы жил один. На необитаемом острове. Причем, не находился бы "на поверхности" -- а

вырыл бы себе какую-нибудь нору - и жил там. Он бы спрятался там. И жил там. Хотя от кого ему было прятаться - Горелов не знал.

В последние годы у него все изменилось. Как только Вячеслав Аркадиевич почувствовал, что с ним начинает происходить что-то ужасное, былой распорядок некогда размеренной жизни - пришел в абсолютный хаос. Ну, про сон, мы уже упоминали. И это было почти совсем не страшно в сравнении с тем, что Горелов стал пить. Пил он много. Пил преимущественно пиво. Но лишь потому, что его организм до сих пор отказывался принимать крепкие напитки. Но вот зато пива в него вмещалось столько, что он ходил почти каждый день в состоянии легкого дурмана.

Впрочем, еще неизвестно от чего у него был этот самый дурман. Ведь так получалось, что пил он только по вечерам. 10-12 бутылок - была та норма, которой ему пока хватало. Причем, и деятельность свою в вечернее время - Горелов подбирал тщательнейшим образом.

Ну, например, пока это были только первые бутылки - он почти совсем не ограничивал себя. Читал, что-то писал, разговаривал по телефону (когда он выпивал - он сразу принимался куда-то звонить). Но постепенно, с количеством вливаемого в него хмельного напитка - изменялся характер его дел. Теперь он начинал смотреть телевизор. Но и тут, совсем не сказать, чтобы это было как-то "тупо". Совсем нет. В первую очередь, внимание обращалось на интеллектуально-информационные передачи. Потом - переключалось на фильмы. Но и фильмы подыскивались большей частью какие-нибудь старые, еще советские. И когда смотрел он их - в его душе наступало самое настоящее успокоение. И пока с последней (из купленных) бутылок не отпивалось несколько глотков - Горелов запрещал себе спать. Хотя уже получалось, что никто у него и не спрашивал. Повинуясь каким-то

своим (автономным) приказам - организм все настойчивее отказывался реагировать на реальность. И Горелов сам не замечал - как засыпал.

То, что он спал - Горелов мог понять по характеру приключившегося с ним. Теперь это были совсем не те люди, которые делали вид, что не замечают, что с ним происходит. Наоборот. Теперь все - только и старались обратить его внимание на то - что они *знают* - что с ним происходит. Эти (то ли люди, то ли тени) перемигивались (он ловил направление взгляда каждого!), перешептывались (он слышал этот жуткий шепот); кто-то смотрел на него с откровенной злобой. Кто-то даже порывался ударить его. Но даже если и случилось так - он почему-то совсем не чувствовал боли. А то и было вместе этой боли - какое-то приятное чувство. Которое хотелось испытать еще. Но он сдерживал себя.

И в этом почти не было различия между сном и бодрствованием. Он все время сдерживал себя. Словно боялся ненароком обидеть кого-нибудь. А может - боялся что тогда - смогут обидеть его. И, несмотря на то, что его "обижали" и так - он все равно очень боялся ненароком вызвать повторения чего-то подобного.

Да он можно сказать, почти и не спал. Все эти действия совершались в состоянии легкой дремоты (хотя, считая так, Горелов не был уверен, бывает ли дремота "тяжелая"). Да и насколько он отдавал себе отчет в том, что происходит?

Во время сна он просыпался.

Случалось это тоже - почти совсем независимо от него. Он на время открывал глаза. Обводил ими темноту своей комнаты. И - на удивление - видел все так. Словно это был день. Но вот предметы в его

комнате - казались совсем другими. Но он даже не за что бы не поручился, что они не были такими - на самом деле. В такие минуты Горелов словно начинал жить в каком-то ином измерении. Ну, то, что наблюдал он за собой "со стороны", -- это уже совсем ничего не означало. На это просто не обращалось никакого внимания. Он даже несколько не был уверен - что это было действительно так. Туман... Легкий туман застилал его глаза. Он даже не знал точно - спал он, или бодрствовал. Все, казалось, подчинено необъяснимому и неизвестному доселе. И даже, несмотря на то, что подсознательно он замечал, что что-то - уже как вроде бы и повторялось, -- совершенно не был уверен, что это было именно так. А что до какой-то реальности... Так он давно уже отказывался замечать ее. У него просто не было возможности с чем-то ее сравнивать. Все то, что (вроде как) было ему хорошо известно и знакомо - вдруг представало в совсем нелепом - новом и неизведанном - измерении.

В какое-то мгновение ему казалось, что он начинает жить и не своей жизнью. Ну и разве можно назвать эту жизнь - "его"?! ведь все, абсолютно все в этой жизни - было подчинено совсем иному порядку. Который был ему не знаком. И с которым у него могли возникнуть серьезные проблемы.

Но вот его сознание... его сознание отчего-то отказывалось замечать - что вокруг начинает что-то происходить удивительно странное. Необъяснимое. Действительно необъяснимое. Но сознание упорно не хотело этого замечать. А быть может - боялось?..

Горелов прошел по комнате. Его некогда размеренные шаги - теперь не казались таковыми даже ему. Все было как-то нелепо. Вприпрыжку.

Он зачем-то заглянул под диван. Потом подошел к кровати - и повторил свое действие. Далее последовали шкаф, тумбочка, пространство за занавеской... Горелов даже открыл балконную дверь. Никого не было. Не было того, что он искал. Если он что-то искал, разумеется...

Но мы почти можем быть уверенными, что то, что делает Горелов (и, главное,-- зачем?) не знал он сам. Просто это повторялось из раза в раз. Каждый день, когда он просыпался - Горелов проделывал один и тот же ритуал.

И почему-то отказывался видеть в этом что-то странное.

Но быть может и на самом деле - в этом был заложен какой-то смысл. Смысл, сразу и не понятый нам. А быть может даже - и совсем непонятный. И даже глядя на самого Горелова - трудно было подобрать какое-либо объяснение этому. Можно было лишь только разобраться - что это отчего-то было ему очень нужно. Необходимо. И весь этот обсессивно-компульсивный диссонанс его психики - был как раз необходим, чтобы снять какую-то (совсем уж невеселую) тревожность; во власти которой он находился.

Тревожность... Мы, пожалуй, нашли на удивление правильное слово, которое владело сейчас сознанием Горелова.

Тревожность... Ему это казалось совершенно необъяснимым. И у него, конечно же, совсем не было сил вникать в причину образования его, даже более - искать какой-либо разгадки.

Тревожность... Эта чертова тревожность иной раз донимала его настолько, что он был не способен о чем-либо более-менее здраво подумать.

Он и раньше-то, совсем не отличался возможностью построения каких-либо логических умозаключений. Теперь же - в его голове царил настоящий хаос. Сменяемый, впрочем, иной раз такими "просветлениями", что это явно (и с лихвой) компенсировало наступление чего бы то ни было.

Все даже могло быть еще хуже. Но если он знал, что когда-нибудь наступит чувство этой поразительной "открытости"; когда на него спускалось какое-то озарение, и его тело становилось каким-то по особенному легким и безоблачным, и готова было уже воспарить на небеса... Ради этого он мог бы и пострадать. Он мог бы страдать столько, сколько бы потребовалось. И даже немного больше. А может - и намного. Может он и вообще уже готов был страдать всегда. Только бы раз - испытать его.

И ради этого - можно было бы смириться со всем. И с этой самой тревожностью, в т. ч. с тревожностью, которая находилась в каком-то удивительном симбиотическом родстве с... опустошенностью. Тревожность и следующая за ней опустошенность - были какими-то на удивление неразлучными сестрами подружками. Как только появлялась одна - почти сразу приходила и другая. И даже если это случалось не сразу,-- то все равно не оставалось никаких сомнений - что это случится.

...Была еще и третья сестра. И, несмотря на то, что эта сестра как будто, все время держалась в стороне,-- по всей видимости, старшинство следовало отдать именно ей.

Звали эту сестру... впрочем, так ли часто ее звали?.. В большинстве случаев она приходила сама. Практически всегда бесцеремонно вторгаясь, и постепенно занимая все свободное пространство. И уже вскоре все были подстраиваться именно под нее.

Это была депрессия. Страшная, и кровожадная, по своей сути.

И совсем невозможно было от нее избавиться. И совсем не подчинялась она какому-то порядку. И совсем... И совсем это было неизведанное, новое, какое-то действительно новое состояние для Горелова...

Но скоро он к нему привык.

Привык настолько, что уже как будто и не замечал его. Или отказывался замечать. Так же - как и все остальное...

Глава 12

Несмотря на то, что Горелов понимал, что с ним происходит что-то неладное, он до последнего оттягивал признание в этом - самому себе.

Какое-то время, ничто не было способно его вывести из того внутреннего равновесия, которым он (в тайне) гордился.

У него все было "выверено". Дом (жил с новой женой, Варей). Работа (смог, наконец-то, позволить себе "частную практику"). Друзья (не было таковых). Коллеги (не было таковых. Со всеми как-то быстро он порвал все отношения). Да и главное,--по сути,--для него было совсем не это. На первое место теперь вышли те отношения, которые он строил между собой,--и окружающим миром. Точнее даже,--между своим внутренним миром - и внешним.

На каждую мелочь, каждую деталь он обращал внимание. Все было важно для него. Все имело значение.

Но даже в этом "значении" -- таилось нечто не совсем обычное. А дело все в том, что Горелов как-то стал бояться... бояться того, что этот "внешний мир" -- может ему преподнести. Но это не было, по сути, так уж страшно.

Но с другой стороны - это было страшно. Это было очень страшно. Это было невероятно страшно.

А все дело в том, что Горелов действительно с опаской относился к тому, что он видел вокруг. Он просто не имел права реагировать на все. Да и это было бы невозможно. Его психика давно уже испытывала такую нагрузку, что позволить он себе обращать внимание на какие-то (особо болезненные на него) детали - и в одночасье могла обрушиться на него та стена, которую он еще - с трудом, но поддерживал. Поддерживал собой. Поддерживал собственной патологичностью натуры. Патологией психики, другими словами. И в том, что с его психикой творится совсем уж безобразие - он знал. Он знал это и потому, -- что с каждым днем, месяцем, годом, -- приходилось прилагать все большие усилия, чтобы удержаться; не упасть; не сброситься в пропасть.

Насколько он мог быть уверен, что ему удавалось выходить из этой борьбы победителем?

Да вряд ли - чтобы он (в полной мере) мог рассчитывать на это.

Но уже то, что он пока еще оказывался способен задумываться об этом - было относительной удачей. Это, по крайней мере, говорило о том, что еще не все потеряно. Что еще возможно будет как-то задержать, остановить приходящее безумие.

Безумие... Насколько он боялся этого?..

Я почему-то уверен, что Горелов в то время еще в полной мере и не осознавал, что с ним *уже* происходит что-то ужасное.

Быть может, он еще как-то стремился отдалить наступление того момента, когда уже и пути назад-то не будет?

Однажды, я, помнится, долго всматривался в фотографию Горелова. На фотографии он был один. Фотография была совсем любительская. И скорей всего,-- по его мнению,-- не совсем удачная.

Лицо Горелова было как-то неестественно приближено. Словно он хотел прикоснуться своим виском (фото - в профиль) к объективу, а потом одумался и слегка отодвинулся.

Фотография было больше десяти лет. Сколько точно - Горелов уже не помнил и сам. Но вот что я отметил: уже тогда, как оказалось, у Горелова появлялся этот странный взгляд... Что было в этом взгляде больше?.. Безумия?.. Скорее, нет... Безразличия?.. Тоже, вроде как, нет... Но что же тогда?..

Мне показалось, что уже в те годы, Горелов страдал. Пусть это страдание было еще и не такое осознанное, как верно,-- теперь. Можно даже допустить, что он и еще совсем не осознавал этого.

Да и не каждый, вероятно, это замечал.

Фотографии тех же лет как будто подтверждали мое предположение. Почти на всех - Горелов предстал в образе (на удивление) "серьезного" молодого человека.

Но я могу так же предположить - что и на всех этих фотографиях Горелов "играл". Пусть "игра" его была не постоянна. Но на тот миг, который оказывался достаточным, чтобы запечатлеть его - это было именно так.

--Я думаю, Вы ошибаетесь,-- сказал мне как-то Горелов, когда я поделился с ним своими предположениями.

Мне стало как-то неловко его в чем-то переубеждать. Если он считает так - это ведь тоже уже о чем-то говорит. Ну, по крайней мере, о том, что он до сих пор еще отказывается верить тому, что с ним происходит. И я, помню, так ничего и не сказал ему. Но как-то неуловимо точно почувствовал внутреннее напряжение, которое угадывалось у него. Он словно ждал, что я стану что-то доказывать, спорить, и... боялся этого.

--А ведь он и на самом деле боится?!-- удивился я.

На удивление, каких бы то ни было длинных бесед - с Гореловым у меня никогда не было. Мне даже было как-то неловко признаваться, что выбрал его в качестве главного героя своей книги. Да и знал ли он вообще - что я пишу?

Я был уверен, что Горелов вообще старался не замечать никого, кроме себя. Все это могло быть, по всей видимости, для его же "безопасности". Ну, скажем, так он решил сам. Для себя. И, думается, придерживался подобного взгляда - насколько это показывалось ему возможным.

А я... я даже не мог быть уверен, что мне на самом деле нравится Горелов. Так выходило, что скорей всего, и какой-то симпатии он во мне не вызывал. Особенно когда я стал узнавать о тех сексуальных игрищах, которые он устраивал.

Но с другой стороны, было бы нелепо говорить, что он во мне не вызывал любопытства. Вызывал. Конечно же, вызывал. Но ровно настолько, насколько меня вообще привлекают люди, чем-то

отличающиеся от других. Тем более, если это "отличие" будет в характере их собственной психики.

Глава 13

Состояние Горелова ухудшалось.

Но об этом я мог скорее догадываться. Да и "на людях", Вячеслав Аркадиевич держался на удивление "стойко". Но чем хуже ему становилось, - тем чаще он позволял себе беззаботный вид. Словно с ним ничего не происходит.

Варю, его новую (вторую) жену - мне почему-то казалось, что я видел раньше. Но сколько я не старался подметить хоть малейший намек на то, что она меня узнала - ничего не замечал. Девушка держалась на удивление стойко. Хотя я (быть может разозленный этим) вспомнил, при каких обстоятельствах произошло наше "знакомство".

Я тогда вел переговоры с одним издательством. Они, помнится, заинтересовались моим романом, о котором у меня у самого было неоднозначное мнение. Не сказать, что я считал, что он у меня не получился. В какие-то моменты я даже переполнялся какой-то внутренней радостью, вспоминая свои же цитаты. Но это было давно. И он как-то сразу оказался в тени других романов. Которые стали выходить один за другим в различных издательствах. Я писал новые. Их печатали. А об этом я уже как вроде бы и забыл.

И вот пришла пора увидеть свет и ему. Возвращаясь после вполне удачных переговоров, я случайно встретил своего давнишнего приятеля. Мы не виделись уже лет десять. И я даже не вспомню сейчас, кто первый кого узнал. Мы зашли в кафе. И когда уже заказывали по

третьей чашечке кофе (которая словно должна была помочь нам подытожить наши воспоминания), за столик напротив присела девушка.

Было в ней что-то загадочное. И в то же время во всем ее виде читалась страсть. Она словно излучалась желанием. Не думаю, что это было специально направлено на нас. Но девушка настолько старалась показать всем, что занята исключительно собой - что не обратить на нее внимание было попросту невозможно.

У нее были большие чувственные губы. Большие, и будто по детски наивные глаза. Даже не наивные, а какие-то "удивленные". Как будто девушка была удивлена, что все обращают на нее внимание.

Как-то описывать ее внешность дальше - по всей видимости, не имеет никакого значения. Да и ничем особенным она не отличалась от других. Но вот исходило от нее что-то такое, что как-то безошибочно указывало на то, что девушка будет "согласна на все". На любую самую чувственную страсть. На любую форму сексуальных отношений. И ведь блядью-то, она как вроде бы не казалась. Хотя, по всей видимости, - ею и была.

Мы как-то на удивление быстро свернули наши "посиделки". Вернее,-- ушел я. Он же пересел за ее столик, и уже выходя из кафе и посмотрев на них - у меня создалось впечатление, что они знали друг друга.

Потом мне еще несколько раз приходилось (почти также, случайно) встречаться со своим товарищем. И как-то так получалось (думаю, что тоже случайно), но я теперь видел рядом с ним эту девицу.

Последний раз я натолкнулся на эту "пару" через полгода. Заметив их в каком-то крупном магазине, я почему-то не решился к ним подойти. Быть может потому, что они казались настолько счастливы, что я как-то чувствовал, что кто-то третий им сейчас просто не нужен. И боясь как-то прервать эту идиллию - я постарался скорее выйти из магазина.

...И вот теперь я снова увидел ее. Но уже с Гореловым.

--А ведь я ничего о ней не знаю,-- подумал я.

Мне было как-то неловко видеть ее. И, несмотря на то, что девушка явно показывала, что меня не помнит, я знал, что это не так. Поэтому вполне было понятно, что бессознательно мы старались избегать друг друга.

Что, опять же, не мешало мне - слушать рассказы Горелова.

Да... Это может показаться немного удивительным, но Горелов действительно любил о чем-то рассказывать. Пусть (как я догадывался) подобное с ним случалось не со всеми. Но я делал все, чтобы Вячеслав Аркадиевич видел во мне "достойного слушателя". И был вознагражден за это.

...За какой-то месяц - два моего с ним "общения",-- у меня уже сложилась более-менее четкая картина того, что из себя представлял этот человек.

Конечно, меня в первую очередь интересовало то, что скрывалось за той внешней оболочкой, за которую он старался никого не пропускать.

Я увидел перед собой глубоко больного человека. Причем, "болезнь" его приносила ему намного больше неприятностей, чем это было у тех сумасшедших (или как их ласково называли врачи: "душевнобольных"), которые давно уже смирились, что они такие. Да и по сути - уже не осознают этого. Живя в каком-то своем мире. Мире иллюзий. Мире несбывшихся надежд и желаний. И судя по всему - они совсем не хотели (ну или, уже не были способны) и "возвратится" обратно. В мир реальности. И опасной настолько, что они поспешили спастись от нее, перейдя в какое-то иной (свое?) измерение ее.

...Но совсем не таким был Горелов. По всему было заметно, что он всячески цеплялся за жизнь. Хотел остаться именно на этой стороне. И пусть ему уже и не удавалось до конца препятствовать тем силам, которые бушевали в его подсознании - окончательную победу они еще не одержали.

Конечно, со стороны все больше казалось, что Горелов проигрывает. Он все явнее замыкался в себе. Все чаще начинал бубнить что-то себе под нос; иногда уже и начинал что-то внезапно доказывать невидимым оппонентам.

Невидимым для других. Но я был убежден, что Горелов вполне осознано вел свой "спор". Иной раз мне удавалось услышать такую четко выстроенную доказательную базу, что я уже начинал сомневаться - а не дурачит ли он всех?!

Но здесь, конечно же, ошибался я. А Горелов... Горелов в такие минуты даже и не думал о том, что кто-то наблюдает за ним. Слышит его. А тем более,-- пытается как-то вслушиваться в то, что он говорит, да, анализировать это.

Что происходило с ним?.. Знал ли о том он сам?.. Насколько он отдавал себе отчет в том, что уже совсем ничего нельзя было изменить?.. И что с каждым разом, с каждым прожитым днем - его состояние станет только ухудшаться?..

Я не знаю... Я все чаще задавал себе эти вопросы. И мне самому с каждым разом становилось все страшнее.

Насколько я мог быть уверенным, что смогу помочь ему?.. Да и смогу ли?.. В это уже не верил я сам. Но как же, должно быть, трудно приходилось ему...

Глава 14

Владимир Иннокентиевич Гордеев был удивительным человеком. Невысокий, с огромной копной уже почти седых волос, этот 50-летний мужчина казался намного младше своих лет.

Быть может дело было в его несколько азиатской внешности? (Хотя насколько в его роду могли быть представители Азии?). Или все дело в его на удивление "живых" глазах и открытой, широкой улыбке. А может дело все было в том каком-то особом смысле жизни, которым было проникнуто все существование Владимира Иннокентиевича.

Он был авантюрист. Авантюрист до мозга костей. И свою первую аферу он совершил, когда подменил горшки в детском саду. Так что всегда получалось, что он как бы был и ни при чем. А другие - "засранцы".

Нечто подобное происходило и в его сегодняшней жизни.

Да если вспоминать, я то и познакомился с ним при весьма странных обстоятельствах.

Мне тогда нужно было срочно выехать за границу. Но оказалось, что загранпаспорта у меня не было. Каким-то образом я вышел на Гордеева. Но он видимо что-то перепутал, потому как принес мне не один паспорт. А целых два. И ни один из них не был на ту фамилию, которая была у меня. Хотя в обоих была вклеена моя фотография.

Посмеявшись было над этим, я вдруг понял, что он и не шутил...

Что он подумал обо мне?.. Быть может подсознательно хотел увидеть такого же мошенника как и сам.

И когда я объяснил что писатель, а вылететь за границу должен был по приглашению коллеги из Австрии - он даже как-то сник.

Потом, конечно, все стало на свои места. Он даже извинился. А я внезапно увидел еще один персонаж своей новой книги.

Книги, к которой я тогда все время подбирался. Но вот никак не мог начать.

Как и любой мошенник, Владимир Иннокентиевич занимался всем, чем только было можно. Точнее - он брался за все - что могло ему принести хоть какую-то прибыль. А если быть еще точнее - так я считал вначале. Потом же увидел, что Гордеев - на самом деле - демонстрировал в своих мошеннических играх несколько иной подход.

И выходило так, что ему так то уж и не нужна была какая-то колоссальная прибыль. Намного был важнее - сам *процесс*.

И не тривиальное (то есть распространенное у людей занимающихся подобным родом деятельности) желание - "обмануть" другого. Скорее всего,-- не только это.

Гордееву было важно навязать какие-то свои правила игры. Заставить других делать то, что было необходимо ему. А что до какой-то там "прибыли"?.. Ну она, должно быть, тоже должна была быть. Но совсем не в той мере, как это было бы возможно, если бы "извлечение прибыли" у него стояло на первом месте.

Как я уже заметил, Владимиру Иннокентиевичу Гордееву - была важна сама игра.

Хотел что-то сказать про важность для него имиджа, да вовремя спохватился, что Гордеев старался избегать раннее "попавшихся" на его удочку. При том что, он методично мог "долбить" в одной области "народного хозяйства", пока, например, не чувствовал что тучи над ним сгущаются настолько, что просто необходимо "сваливать".

И он умело уходил в сторону. Причем ни разу, хочу действительно заметить - *ни разу*, Гордеев не оправдывал свой отход - действительно необходимостью избежать какого-то разоблачения. (Хотя видимо это бессознательно он больше всего и боялся). И основной причиной, по которой ему приходилось мотивировать срочное прекращение всех дел с тем или иным "хозяйственным субъектом" -- было *выявление лживой истинной сущности того*. Не больше и не меньше.

То есть получалось, что, начав работать, Владимир Иннокентиевич не подозревал, с какими мошенниками ему приходилось иметь дело. А как только *понял* это - тотчас же прекратил любое общение.

Вот так вот.

Чем занимался Владимир Иннокентиевич? Ну, в смысле, в каких областях простирались его интересы? Ну, тут, как говорится, спектр его участия был достаточно широк.

Вот, правда, особой любовью у Гордеева пользовался спорт. Познакомившись с ним когда он уже находился в преклонном возрасте, я удивлением узнал, что всего за месяц до нашего знакомства, Гордеев успел получить несколько черных поясов по ряду восточных единоборств. Притом, что (как я узнал), у него уже и до этого было столько, что любой нормальный человек "хватился бы за голову"; или почувствовал что тут что-то нечисто.

Например, я знал (а все мои "знания" подкреплялись соответствующими дипломами, демонстрируемыми мне Гордеевым), что Гордеев был обладателем черных поясов и мастерских степеней по каратэ (сразу по нескольким стилям: сето-кан; годзю-рю; шито-рю...), кунг-фу (тоже нескольких стилей), тайландскому боксу, кикбоксингу, боксу, дзюдо, джиу-джитсу; в его арсенале были даже такие экзотические виды, как капоэйра (особый вид борьбы, придуманный неграми, когда-то работавшими на рабовладельческих плантациях), кендо (бой на палках), и еще несколько малоизвестных видов родившихся на востоке, названия которых я, впрочем, даже не запомнил.

Кроме того, Гордеев не просто был Мастером по этим видам, но и - "как оказалось" -- руководил несколькими (учрежденными, впрочем, им самим) федерациями. Хотя насколько я знал, зона интересов Гордеева не выходила за пределы Северо-Западного региона России, где он жил.

Но и помимо спорта у Гордеева оказались дипломы юриста, экономиста, инженера, агронома, и даже переводчика. Правда, что на самом деле "переводил" он, не владея ни одним языком кроме родного - я не знал. Хотя он утверждал, что в совершенстве знает языки нескольких африканских народностей; и демонстрировал диплом, свидетельствующий об его успешном (исключительно "с отличием", видимо, чтобы рассеять любые сомнения) окончании какого-то греческого университета.

Гордеев оказался также владельцем более 50 фирм. Различных там ООО и ЗАО. Правда, в том, что они были только "на бумаге" -- не сомневался только я. Остальные же, с поразительной настойчивостью верили Гордееву. И каждый раз попадались на тот же самый крючок, на котором до них - уже побывали другие.

И что было интересно (и мне в какой-то мере казалось странным),-- Гордеев совсем не боялся какого-то разоблачения. Казалось, он и сам на каком-то этапе - поверил во все свои звания да регалии. И может именно это объясняло то, с какой уверенностью он разговаривал с другими.

От него словно исходила уверенность "в своей правоте". И он подчинял этой энергетике других. Веривших, конечно же, веривших - ему.

И ведь нельзя было сказать, чтобы он так-то уж "пользовался" другими. Мне кажется, что он просто каким-то образом угадывал,-- что нужно им. В чем они больше всего нуждаются. (Я имею в виду - психологическую составляющую "общения"). И когда они обнаруживали, что обмануты им - то сначала долго в это не верили, а потом все равно не предпринимали каких-либо действий (хотя бы

чтобы вернуть свои деньги). Почему? Ну, быть может, считали, что так и должно быть?..

Ведь Гордеев давал каждому из них частичку счастья. Помогал (хоть на миг) оказаться в тех иллюзиях, которые они сами для себя выстраивали. Бессознательно. И в которых часть из них - была бы не прочь оказаться.

Глава 15

Что из себя представлял Антон Иванович Сомов, я, признаться, так до конца и не разобрался.

Было ему 42 (о "возрасте" он как-то сам признался мне). Хотя по внешнему виду он казался намного старше.

Сомов носил короткие седые волосы. Был среднего роста. И фигурой походил на настоящего атлета. Но только если снимал рубашку. Когда же был в одежде, его бугристое, и состоящее из одних мышц тело - ничем не отличалось от среднестатистического мысы. То есть, от мужчин схожего с ним возраста. И даже его невероятных размеров бицепс - всегда скрывал пиджак. Быть может оттого, что плечи у него - были не такие широкие, чтобы заметить какую-то "накачанность". Да не был он уж таким "накачанным". Знаете, как фигуры тех, кто занимался силовыми упражнениями исключительно с собственным весом. Сила у них порой неимоверная. А вот "визуального подтверждения", как будто и нет. Но зато когда они раздевались... Тогда все сразу становилось на свои места.

Но... Сомов ходил всегда в костюме и галстук. Как будто специально скрывал годы упорных тренировок, которые он провел в спортзале.

Я особо никогда не вдавался в подробности, чем Сомов занимается. По-моему, он был зам.директора какого-то ООО. Но точно я был не уверен.

Да и это, по сути, для меня было и не так важно.

И обратил я на него внимание (да и то, не сразу; сначала мы только обменивались приветствиями и этим все ограничивалось), только когда заметил, что он, пожалуй, чем-то выделялся на фоне других. Такие люди мне были всегда интересны.

И ведь не сказать, чтобы в его характере просматривалась какая-то психопатология. Почти нет. Но, видимо, краем сознания я все же угадывал это. И с тех пор стал всматриваться в Сомова получше.

Какое-то время (довольно продолжительное даже с учетом моего "пристального внимания") я ничего не замечал. Антон Иванович был вполне обычным человеком. Среднестатистическим. А такие меня не интересовали. В них не было той изюминки, которая присутствует у других моих героев. Выделявшихся какой-то, например, яркой особенностью своей психики. И из-за которой, они словно стояли "особняком". Отражаясь на фоне других.

И вдруг я заметил в Сомове присутствие... страха.

Помню, это показалось мне настолько необычным, что я даже первое время опешил: так ли это?

Но это оказалось так. А почему я это не заметил раньше? Так страх-то у Сомова был какой-то... специфический. И явно проявлялся не всегда.

Ну, например, он видимо старался делать все - чтобы эту его "особенность" не заметили сразу. И что говорить. Ему это удавалось. Но вот как-то я заметил, что Сомов в нерешительности переминается с ноги на ногу перед входом в метро.

--Кого-то ждешь? - улыбнувшись, поинтересовался я.

--Да нет,-- немного смутившись, признался он.-- Не знаю как войти.

--?

--...Ты не знаешь где вход? - все же спросил я, еще и не подозревая, что причина в другом.

--Да вход-то знаю где,-- горестно улыбнувшись, ответил он.-- Да вот...

--Тебя что-то смущает? - посмотрел я на него.

Антон Иванович в нерешительности огляделся по сторонам, как будто выискивая кого-то, кто смог бы ему помочь объяснить мне, в чем причина.

--Мне кажется, что метро не работает...-- как-то по особенному тихо (было заметно, что он сам удивляется своим словам) произнес Сомов.

--Не работает? - удивился я, и тоже стал оглядываться по сторонам. Впрочем, был вечер буднего дня. И люди заходили в метро если не толпами, то все равно довольно часто. Я радостно захлопал в ладоши внутри себя. Потом, устыдившись этого порыва,-- уже как-то "по-доброму" посмотрел на Сомова (во взгляде которого царил все та же *неуверенность*).

--...Сначала ты...-- все так же тихо, произнес он.

--Вместе. Только вместе,-- ответил я.-- Если, конечно, тебе нужно куда-то ехать.

--...Да я уже и так опаздываю,-- чуть помедлив, признался Сомов, искоса бросив взгляд на мои часы, в которые я (словно специально для этого) сейчас всматривался, "определяя" время.

--Ну, тем более,-- решительно произнес я, и сделал шаг вперед, оглянувшись, словно приглашая его.

--Все не так просто,-- сказал Сомов.

--И что же на самом деле "там"?--я кивнул в сторону входа в метро, откуда сейчас выходили пассажиры, видимо из недавно подошедшего поезда.

--Да, видишь ли...,-- вновь замялся Сомов.-- Там "засада".

--Засада? - не понял я, и тут же как-то съежился, ожидая внезапного нападения какого-то невидимого противника.

--Засада,-- сказал он.

--И кто они? - включился я "в игру" (почему-то боясь себе еще признаться, что Сомов не шутит).

--Не знаю,-- Антон Иванович так искренне покачал головой, что мне на мгновение стало стыдно за свои какие-то сомнения.

--Ну, давай тогда пойдем к другой станции метро,-- предложил я. (Мы стояли около станции метро "Чкаловский проспект", и совсем недалеко была "Спортивная", и "Петроградская").

--Они и там,-- ответил Сомов, и тяжело вздохнул.

Сейчас передо мной был глубоко несчастный человек.

И мне захотелось сделать хоть что-то, чтобы помочь ему.

Но казалось, Сомов сам противился этому.

--Что же мне с ним делать?--подумал я.

--Ну тогда, думаю, нам следует вступить с ними в бой,--
посмотрел я на Сомова, всем своим видом выражая готовность
вступить в смертельную схватку.

--В бой?! - нерешительно повторил за мной Сомов.

--Бой! Именно бой! - уверенно сказал я, и стал подниматься по
ступенькам.

Я почувствовал, что Сомов пошел за мной.

--Мы должны быть предельно внимательными,-- произнес я,
когда Сомов со мной поравнялся.-- Если что - бьем без промедления,--
тихо сказал я.

--Договорились,-- поддержал меня Антон Иванович.

Мы уже спускались по эскалатору, а "противник" нам все не
встретился.

--Думаю, засада внизу,-- предположил Сомов.

Мне почему-то показалось, что Сомов уже понял, что все мои
действия проникнуты только шуткой и желанием пошутить. А потому я
совсем не обратил внимание на эти слова.

За что и поплатился.

--А-а-а...

--Сука...

--Ах ты пид...р,-- услышал я крики сразу нескольких мужских голосов, ни один из них (как я отметил автоматически) не принадлежал моему товарищу.

Инстинктивно отпрянув в сторону, я обернулся и увидел как Сомов отбивается от нескольких милиционеров (видимо из линейного отдела МВД на транспорте). Тут же я заметил двое других мужчин, которые сидели на полу. У одного из них шла кровь. Другой качал головой, видимо находясь в нокдауне.

Я должен был действовать мгновенно. И мне виделось как минимум два пути. По первому, я мог помочь Сомову и "вступить в бой" с милиционерами. По-другому, сесть в подошедший поезд и уехать.

Я выбрал второй.

Через месяц у Сомова состоялся суд. "Отбывать наказание" он должен был в психиатрической клинике. Как только я узнал об этом "решении", у меня тотчас же и исчезло (появившееся было) чувство вины. Теперь винить себя мне было не в чем.

Да и в "дурдоме", я знал, долго не "сидят".

А прошло еще несколько месяцев - и Сомова отпустили.

Правда, со мной он с тех пор не разговаривал. И я уже подумал: а действительно ли он был сумасшедшим?

Глава 16

Для Горелова было настоящей "новостью" -- когда он понял, что в его отношениях с новой женой повторилось все то же самое.

Правда, Варя повела себя сразу - иначе. Она не стала не только не сопротивляться, но и настолько включилась в игру (и по всему было видно, что "игра" ее захватила), что Вячеслав Аркадиевич даже на миг усомнился: а действительно ли он хочет этого?..

Но наслаждение было выше "культурных предрассудков" (по моему, так он подсознательно оправдывал свою похоть). И он с удовольствием отдавался Варе, отдавался своей извращенной страсти, отдавался всему тому низменному (и действительно скрытому где-то глубоко внутри него)...

А вскоре, и какие-то вопросы отпали.

Они вместе придумывали "сценарии" сексуальных игр. Правда, все больше подучалось у них спонтанно. Кто-то первый *вовремя* ловил "намек" другого. И тотчас же. Или падал на колени (если это был Горелов), или неожиданно начинала срывать с другого одежду (если это была Варя).

Мне как-то неловко приводить сейчас все то, что они вытворяли. Но могу вас уверить, что фантазия у обоих оказалась весьма богатая; подтверждением чему - видео-кассета, на которой оказалась записана одна из сцен (насколько я знаю - снимали они не каждый раз, и видимо уже "под закат" своих отношений).

Кассету мне принес... Горелов. Он был уверен (потом, когда я ему сказал об этом),-- что попросту ошибся. Он в то время уже купил компьютер, и активно переписывал прежние записи на ДиВиДи. Я же почему-то подумал, что Вячеславу Аркадиевичу просто необходимо было, чтобы о его тайной страсти узнал кто-то еще. Ну, по крайней мере, неосознанно - он жаждал этого. А потому если и действительно

"перепутал", -- то произошло это с его внутренним желанием: чтобы это было именно так. Поэтому и не проверил, когда отдавал мне.

Горелов и на самом деле опешил от такого напора новой супруги. И, думается, то что они через какое-то время расстались - было невольное подтверждение того, что он чувствовал какую-то свою вину в том, что их сексуальные отношения складываются таким вот образом. Можно было даже сказать, Варя служила как бы подтверждением "легальности" существования его "низменных инстинктов". В которых, видимо, ему было неловко признаваться себе. Ну, как бы,-- есть это - и есть. Пусть и не получается изменить собственные наклонности (а, тем более, лишиться их),-- но они ведь проявляются не всегда. И насколько получается,-- хочется просто закрывать глаза на это. Не обращать внимание, словно это происходит с кем-то другим - а не с тобой.

А Варя - служила бы невольным напоминанием о той форме сексуальных девиаций, - которые ему нравятся.

Да и только ли о них?..

В какой-то момент Горелов почувствовал, что Варя изменилась. Из некогда застенчивой девушки (такой она ему показалась вначале), она постепенно превращалась во властную женщину.

И это видимо окончательно сподвигнуло его к разводу. Все-таки, когда вы смотрите на человека, и видите, что в его внешности не содержится и намек на то, что в постели этот человек являет полную противоположность тому образцу, который о нем сложился...

А так как большую часть времени Горелов все же проводил "не в постели" (да еще в какой-то мере, стыдился собственных

мазохистских наклонностей), то получалось, что глядя на Варю (ее "угодливость" в обычной жизни, ее вежливость, даже, пожалуй, внутреннюю скованность) он как бы и не думал о том, что у него "все плохо".

Да и плохо ли?

Но вот Варя... Варя словно почувствовала вкус своей власти. И видимо, в какой-то момент задалась целью - а почему "это" происходит только в сексе?!

И как-то неосознанно (постепенно) стала переносить все и на свою обычную жизнь.

Наверное, все же большей частью - семейную. Ну, по крайней мере, мне как-то не верилось, что она могла настолько измениться, что и в общении с другими (помимо мужа) позволяла вести себя подобным образом. Все-таки, внутри нее действительно таилось что-то такое, что мешало ей стать уж полностью раскрепощенной. Да и не могло это произойти так сразу (если ее скромное более чем поведение "на людях" сознательно не было своего рода маской, от которой она мечтала избавиться). Но вот в общении с супругом все чаще у нее стали проскакивать нотки откровенного недовольства какими-то претензиями Горелова "на власть".

Ну а, быть может, Горелову просто удалось неосознанно разбудить вулкан (скрывававшийся доселе в глубинах психики девушки)?

Но как бы то ни было, она действительно - изменилась настолько, что Горелов... испугался.

И он постарался избавиться от некогда сексуального объекта (не думаю, что он в ней видел что-то иное, кроме возможности сексуального удовлетворения), теперь служившего постоянным напоминанием о его слабостях.

Он развелся с ней.

Глава 17

Что-то не позволяет мне так быстро забыть отношения Горелова с Варей.

Думаю, впрочем, что причиной, конечно же, не может быть эта девушка. Я ее (как уже говорил) почти совсем не знал. И уж совсем мне было безразлично, какие у нее и Горелова рождались "фантазии".

Но мне почему-то кажется, что Варя стала невольным подтверждением того, что Горелову было на самом деле нужно. Это, так сказать, квинтэссенция его внутренней сущности. Того, без чего он уже не мог.

Ему просто необходимо было оказываться в роли "жертвы". Ведь это служило невольной компенсацией (и "лучшей", -- из компенсаций) всей той строгости, сухости, не сдержанности и грубости - которую он демонстрировал в обычной жизни. И видимо, чувствовал из-за этого какую-то вину.

Именно как форму избавления подобной вины, чувства вины, следовало и рассматривать его мазохистскую практику. Униженность, которую он всячески демонстрировал в сексуальных отношениях - была не только платой за собственное поведение в реальной жизни, но и это как будто бы уравнивало "баланс". Ведь если допустить то, что что-то одно бы "перевешивало" -- и совсем неизвестно, каким бы через время стал Горелов. А так, как вроде бы получалось некая "полярность".

Вообще же, если еще глубже подойти к вопросу о мазохизме, то мне представляется что все, быть может, и не совсем так плохо. И это если только иметь в виду мазохизм - как форму сексуального удовлетворения. У Горелова же, как мне представляется, сексуальный мазохизм был представлен как нечто, что, по его мнению, должно было быть. "Вернее", -- почему бы этому "не быть"?

Но в гораздо большей степени, над Вячеславом Аркадиевичем Гореловым довлел именно моральный (душевный) мазохизм. Это было сродни какой-то особой его черте характера. То, от чего уже невозможно избавиться. То, что сформировалось еще в детстве. То, что будет существовать независимо от его какого-то желания. А тем более - отношения к этому.

И даже наоборот. Чем резче у него будет проявляться какая-то критика этому "явлению", -- тем тяжелее придется его психике. А то и может развиваться какая еще большая патология.

Я написал об этом - и задумался. А ведь, получается, Горелов и сам о том не знал. По крайней мере, его род деятельности - просто обязывал его владеть этими вопросами. И вот тут уже просматривается явный парадокс. Возможность отказывать психологическую помощь другим (то, чем, напомним, занимался Горелов), -- еще совсем не означает: возможность помочь себе.

И какой-либо ошибки здесь не наблюдается. Это, даже можно сказать, одно из удивительных "правил". Которое существует независимо от какого-либо нашего желания.

И Горелов, видимо, столкнувшись с подобным - все понял и сам. И можно даже сказать, что, то, что приходилось переживать ему -

неким чудодейственным образом помогало лучше понимать других. А значит - излечить их. Помочь им. Рассказать о том, о чем если они и сами догадывались - то правильно интерпретировать это были не способны. Да и не могли они делать нечто подобное. Здесь ведь, помимо какого-то "понимания" -- необходимы и "знания предмета". Знания, которые были у Горелова. Но наверняка отсутствовали у большинства из них. И в этом не было ничего страшного.

Коснувшись вопроса *встречаемости* собственной психопатологии (пусть еще только в некой - пограничной - ситуации) у тех, кому по роду деятельности дозволено нас лечить, скажу что это, в какой-то мере действительно парадокс. И в большинстве случаев у них действительно можно обнаружить ту или иную симптоматику психических отклонений. Вопрос только в том, что им удается с ней справляться. Ну, по крайней мере, находить выход.

Глава 18

Игорь Игоревич Кабанов - представлял тот тип людей, которых я стараюсь избегать.

Это был этакий "неотесанный мужлан", с крупной костью, злобными маленькими глазками, готовый сорваться на крик, если только ему покажется что что-то начинает происходить не так, как в его представлении - это должно быть.

Кабанову было 49 лет. В разговоре он большей частью любил говорить о себе. Главным образом - хвалился какими-то собственными достижениями.

Как-то так вышло, что он стал владельцем небольшой пекарни.

Уж насколько таким людям можно было доверять печь хлеб? - задавался я. Но бизнес есть бизнес. И всеобщая коммерциализация, захватившая страну в начале 90-х - вытаскала из небытия (кем же он был?) и этого человека. Сделав его... (интересно, его образ у меня все же вязался с каким-нибудь прорабом; хотя, вопрос: насколько "прорабы" бывают столь грубы и глупы?..).

Кабанов, видимо, чувствовал себя мелким царьком. Невероятно развитая в нем наглость - позволяла ему удержаться в своем бизнесе даже несмотря на периодически случавшиеся "наезды" бандитов, да "проверки" чиновников, живущих, как известно, на подачки коммерсантов. Со временем, все эти наезды прекратились. Кабанов исправно платил главе местного КУГИ, пожарникам, "ментам", тем самым, обеспечив себе более-менее сносное существование.

Как позже я выяснил, помимо пекарни у Кабанова был цех по производству мебели. И этим, признаться, он меня даже обрадовал. По крайней мере, мне хотелось верить, что он большей частью занимается именно мебелью. Все-таки мебель - это ерунда, в сравнении с хлебом. И уже то, что эта мебель разваливалась через полгода "эксплуатации" - было невольным подтверждением самого существования Кабанова.

У таких людей просто и не должно было получаться что-то хорошо. (Несмотря на их, как вроде бы, и стремление к этому).

Рабочие у Кабанова увольнялись с поразительной "настойчивостью". Но и трудно было бы предположить, что кто-то у него мог надолго задержаться. Это был откровенный деспот. И в том, что я удосужился встретиться с ним,-- видел некую плату за свои,

видимо все же совершаемые (совершенные?) грехи. Ну, иначе я просто не представлял, почему должен был с ним общаться?!

Познакомился с Кабановым я случайно. Я тогда наконец-то купил новую квартиру. И решил сменить мебель. Какой-то мой знакомый (из тех, с кем общаемся мы не очень близко, но при встрече всегда приветливо здороваемся, разыгрывая неподдельную радость и часто не помня даже их имени) дал мне телефон Кабанова.

Я позвонил. Представился. Договорился о встрече. Встретился. Почти уже заказал мебель. Да вовремя вмешалось проведение, и я отказался. Помню, мне было как-то неудобно откровенно признаться, что у него мебель делать я не буду. И сославшись на какую-то причину, я взял "отсрочку".

И вот ту я во всей красе испытал напор Кабанова. Он звонил мне днем. Он звонил мне ночью. Причем, видимо, еще какие-то остатки интеллекта и вежливости не позволяли ему открыто признаться, что он просто не хотел упускать "выгодный заказ" (квартира у меня была шестикомнатная, и я действительно решил обставить ее исключительно новой мебелью). Поэтому он стал... напрашиваться ко мне в друзья.

Что-то видимо мешало ему открыто признаться и в этом; поэтому во всех его словах был единый намек на то, чтобы предложение о дружбе услышать от меня.

Поначалу еще как мог, я перенаправлял его невидимое желание в какое-то иное русло.

Но вскоре мне все это надоело. И я откровенно признался, что мебель у него заказывать не буду. (Хотя все же, помнится, скрасил свой ответ тем, что якобы моя супруга решила заказать мебель исключительно в Финляндии. На самом деле, по-моему, мы заказали ее

в какой-то другой стране. Да я и никогда особо не вникал в эти вопросы. Особенно после столь неудачного "знакомства" с Кабановым).

На мое удивление - он все понял. И даже, мне показалось, не обиделся.

И видимо чувствуя все же какую-то свою вину, я заказал у него диван. (Который и отвез после изготовления на дачу).

Но мир был восстановлен. Хотя больше с Кабановым я и не общался.

Глава 19

Горелов вглядывался в ночную тьму. Это занятие наверняка вскоре бы наскучило ему, если бы... если бы неожиданно не стали прорисовываться те незаметные прежде детали окружающего мира, которые наверняка были (он знал - что были), но как-то оказывались для него недоступны.

Горелов здесь был уже давно. Август подходил к концу. Но днем еще стояла жара. И только ночью Горелов позволял себе выйти на прогулку.

Несмотря на то, что он как вроде бы специально поехал отдыхать на курорт (Геленджик), днем он просиживал в домике. На улице было как-то неприятно жарко и многолюдно.

--Надо было ехать осенью,-- подумал он, и понял, что, оказывается, совсем забыл, как выглядят города черноморского побережья летом.

Что он делал днем?

Пил.

И было это уже не пиво. Вино! Именно вино ему впервые "на море" показалось настолько приятным, что приносил взамен ему все - и возможность загорать на пляже, и купать в море, и просто наслаждаться нормальным отдыхом. Отдыхать. Хотя, с другой стороны, разве он не отдыхал? Просто, форма отдыха - у него была несколько иной. Да и как-то сменилось время сна и бодрствования.

Но насколько это было плохо? Вернее,-- насколько это было "ново" для него?

Горелов на самом деле страдал. Он страдал от той незавершенности, которая - на его взгляд - просматривалась во всех его делах. Да и было ему как-то по-особенному грустно.

Он давно уже понимал, что живет совсем не той жизнью, которой бы хотелось.

Можно было даже сказать, что он считал, что все (или почти все) - надо было делать иначе.

Но уже если вдаваться в глубину вопроса, то получалось что и саму жизнь (ту жизнь, которой он жил сейчас) надо было изменить. А еще лучше - совсем не жить. Закончить жизнь. Прекратить ее. Как-то попытаться разорвать бессвязные нити жизненных историй - запутавшихся в клубок тревог, сомнений, внутренних противоречий.

Но насколько он был способен что-то изменить? А если разобраться - то и вовсе был не способен. И уже тогда ему оставалось только лишь... наблюдать за происходящим - со стороны.

Подобная возможность, действительно, все чаще предоставлялась ему. И в который уж раз он находил подтверждение

тому, что его одна жизнь - вмещала несколько. А он казался себе лишь безучастным статистом. Взвизгивающим на происходящее со стороны.

Без какой-либо надежды - что-либо изменить.

Грустно, как-то по особенному грустно было сейчас Горелову.

Несмотря на то, что такое чувство было знакомо ему и раньше, сейчас он словно увидел его под каким-то особым углом. И ему как никогда стало обидно, что так все происходит.

Горелов искал выход.

Ведь совсем было нельзя сказать - что он не искал его. Вот только виделся ему этот "выход" в таком свете - что даже сразу и нельзя было сказать, что то, что видел он, могло казаться каким-нибудь *разрешением проблемы*.

Да так это и не было.

Мысли давно уже путались в голове Горелова. И они настолько запутывали его, что все время приходилось предпринимать невероятные усилия, чтобы хоть как-то удержать собственное сознание в какой-либо (хоть минимально допустимой) норме.

Да и сама эта "норма", теперь казалась ему некой абстрактной величиной.

Настолько абстрактной, что и невозможно было сразу решить - к чему это можно было отнести.

Горелов сам прекрасно все знал о себе. Знал, что то "состояние", которое было у него - никогда не исчезнет. Ему, конечно, были известны случаи, когда удавалось купировать очаг напряженности, снять, быть может, излишнюю тревожность. Волнение. Неуверенность.

Но так больше получалось - на примере других. Сам же он давно уже должен был расписаться в полнейшей невозможности что-либо сделать для самого себя.

Правда, на какое-то время ему удавалось почти избавиться от всей этой нежелательной (и такой опасной) для его психики симптоматики. Но так произошло из-за того, что он в какой-то момент решил воспользоваться медикаментозным вмешательством. У него было несколько коллег, которые по своей первой профессии были врачами. И после окончания того института, который закончил и он - они получили возможность заниматься психотерапевтической практикой. (Тогда как он был психоаналитиком. Не большое - но все же отличие).

Они-то и помогли Горелову с нужными рецептами.

И на какое-то время (почему бы не сказать об этом? Тем более, что это действительно было так) Горелову это помогло. Он словно увидел жизнь другими глазами. Но вот и почти тут же - они увидел в этом что-то не совсем *естественное*. То, что, по его мнению, - как вроде бы и не должно быть.

И он отказался от таблеток. А оставшиеся рецепты порвал - чтобы не было соблазна когда-нибудь воспользоваться ими.

И все вроде как стало на свои места. Горелов вновь страдал. Но это были уже какие-то особенные страдания. И ему совсем не хотелось - прекращать их.

И вот как раз в этом, мне видится та особенность психики Горелова, которую наверняка мы можем заметить и у других. (Не у всех, конечно же; далеко не у всех).

Горелов - не только страдал. Но и находил *удовлетворение* в этих своих страданиях.

А значит - ничто не говорило о том, что он от них когда-нибудь избавиться.

Да и нужно ли ему было это?

Глава 20

Роману Геннадиевичу Семенову было 37 лет. Это был высоченный (под два метра), массивный мужчина (явно больше ста килограммов). Уже почти лысый, и с каким-то невероятно детским лицом. Видимо лицо-то его как раз и "подкупало" других. Хотя Роман примере других. алось -- на аи, когда удавалось купировать очаг напряженности, снять, быть может, излишнею тревожность. ственноеотнюдь не был каким-то простодушным дурачком (как можно было подумать, глядя на него), все почему-то считали что это именно так. И относились к нему не то что с каким-то "снисхождением"; но и в серьез его явно не воспринимали.

Семенов был чиновником. Достаточно крупным чиновником какого-то Главка. И видимо как-то по особенному гордился своей должностью. Может, так было оттого, что он добился всего сам. Никаких "связей" у него изначально не было. Родители были, по моему, рабочие. Другие родственники вообще жили в деревне.

Семенов сам поступил в институт (Горный, в СПб). Готовился уже было уехать по распределению на Север, но получил неожиданное приглашение поработать мелким клерком в госструктуре. И не задумываясь - остался.

За 15 лет - он поднялся до уровня топ-менеджера. Но вот только... Как-то никто не относился к нему всерьез. И, несмотря на

должность, - занимался он теми вопросами, от которых другие всегда старались избавиться. И они неизменно доставались Семенову.

Казалось удивительным, но он не расстраивался. И копался в том "дерьме", к которому другие даже боялись прикасаться.

У меня создавалось впечатление, что Семенов даже убедил себя в том, что ему это нравится. По крайней мере, во всех его делах была заметна такая резвость (и серьезное отношение к работе), которая, видимо, не могла не подкупить начальство.

Выше, правда, его не продвигали. Да и он казался более чем счастлив.

Вот только так ли это было на самом деле?

Я много раз замечал в глазах Семенова страх. Это был какой-то особенный страх. Страх, возникновению которого ничто не могло предшествовать. Страх без повода. Но этот страх был. И пусть был замечен он не всегда, но в самый решительный момент я знал, что Семенов струсит. И всегда держался с опаской с ним.

Что Семенов из себя представлял? Если честно, мне он не очень нравился. Но это был товарищ Горелова (хотя, на сколько они друг с другом общались?),-- и я был просто обязан с ним познакомиться.

Правда, из этого знакомства ничего не вышло. Вернее,-- так казалось мне. Хотя Семенов, как вроде бы был и не прочь продолжить его...

Глава 21

Насколько Горелов отдавал себе отчет, что те странности поведения, которые у него бесспорно присутствовали - вновь заявят о себе?

Но об этом можно было даже не спрашивать. В какой-то момент это показалось мне настолько очевидным, что я - помню - даже встрепенулся как-то.

И у Горелова действительно все повторилось. Причем стало проявляться это даже с какой-то особенной направленностью; словно "пришло" *надолго*.

После двух "неудивительных" браков - он больше не женился.

Сексуальную напряженность же - снимал... -- А ведь не с проститутками,-- задумался я, и в этом уже угадывалось что-то необычное. Что? Не думаю, чтобы я знал. Но как-то чувствовал, что в том, что я вспомню сейчас (а так получалось, что я слишком поздно спохватился, увидев в Горелове прообраз именно того главного героя, который нужен мне),-- появится нечто, что способно позволить взглянуть на Горелова с несколько иной стороны.

Все дело было в особом рода *предпочтениях* Горелова в отношении женщин. Несмотря на то, что это бесспорно были женщины (какую-то склонность к однополой любви я у него исключал изначально),-- эти женщины были не совсем обычные. Точнее - они были как раз *обычные*. Хотя нет. Пожалуй, действительно не совсем обычные. Они были - *некрасивы*. И даже больше: они несли на своем лице (чаще всего именно лице; фигуры их, ничем особым не выделялись) печать какого-то *уродства*. Пусть и незначительного. Пусть и это казалось только эстетической стороны вопроса. Но они были... ужасны. Многих из них, по виду трудно было отличить от

мужчин. От некрасивых мужчин, разумеется. У многих "из женщин Горелова" во внешности было что-то настолько отталкивающее, что мне с трудом удавалось не спросить: что же он в них находит?

А потом я догадался сам. Все дело в том, что Горелов (как бы он в этом не хотел признаться) все время чувствовал какую-то внутреннюю *неуверенность*. Она мешала ему. И, так или иначе, - проецировалась на его жизнь. На жизнь вокруг него. На поступки, которые ему приходилось совершать.

И как раз в этом отношении - та особая категория женщин, которые нравились Горелову - были незаменимы. С ними он чувствовал себя уверенно. Причем, зачастую, они давали ему такую "веру" в собственные силы, что проклятия в адрес его прежних возлюбленных (и двух жен, в т. ч.) поначалу множились чуть ли не в геометрической прогрессии с появлением новых "пассий".

Мне даже неловко было спрашивать его о любви. Наверное, все-таки, она была. Ну, может, была не так выражена, как хотелось самому Горелову. Да, быть может, и вовсе носила несколько специфическую форму. Но то, что хотя бы частичка этой самой любви присутствовала - фактом было почти неоспоримым...

(Заметим сейчас, что слишком часто в отношении поведения Горелова я говорю "почти". Наверное, все-таки, бессознательно мне хочется, чтобы хоть что-то из того "негатива", который явно просматривается в его поведении - не подтвердилось. Но...).

Женщины (тот тип женщин, который я обрисовал) любили Горелова. А быть может, они платили ему той *взаимностью*, которую угадывали и в нем. И уж наверняка - они были ему *благодарны*. Благодарны настолько, что позволяли вытворять с собой все, что он захочет. Что придет в его голову. На что сподвигнет его - большое воображение.

(В том, что воображение у Горелова было "большое" -- я как-то не сомневался. Он казался мне на редкость нелепой фигурой. Причем, видимо, вся и нелепость-то его - почти совсем от него не зависела. Мне даже кажется, что в полной мере - что "это так" -- он не сознавал. Так... угадывал лишь...).

Никогда Горелов не жил сразу с несколькими женщинами. (Мне не хотелось бы, чтобы кто-то подумал так). И если я говорю о всех тех женщинах, которые были в его жизни после второго развода, - то лишь каким-то необъяснимым для себя образом - объединяло их. И они уже представляются мне чем-то единым. Одним целым. Какой-то неделимой глыбой, которая свалилась на Горелова. Но не придавила его (как это могло показаться), а наоборот - подгоняло его.

Он изменился. Никто больше не видел в нем какой-то скованности (которая в нем присутствовала всегда); неуверенности, и проч.

Но так было только вначале. Потом все те черты, которые любой мог заметить в Горелове - вернулись к нему.

Но вот... в отношениях с его женщинами... В отношениях с его женщинами - Горелов остался все такой же сильный, смелый, отчаянный, и... решительный.

Но только в отношении с ними. И, видимо, только когда оставался один на один. В квартире, например. (Я даже как-то не могу предположить иное).

И теперь Горелов как бы распадался на две составляющие. "На людях" -- он был по-прежнему больше *инертен и пассивен*. И лишь только иногда в нем просматривались какие-то властные нотки. Но это было столь необычно и для него самого, что как только появлялось нечто подобное видимо, только когда оставался один на один. елове в нем присутствовала всегда); неуверенности, и проч.-- Горелов тотчас же заглушал это.

Но вот зато дома... Дома этот мерзавец давал выход своим эмоциям.

Мне даже кажется, что он бил своих женщин. Пусть это было не сильно, и не всегда - но факт оставался фактом.

Да и они, впрочем, не только терпели; но и принимали это "как должное". Чем еще больше развязывали руки этому психопату.

Я удивлялся: неужели никто из них не понимает, что он болен? Неужели вообще никто не понимает, что Вячеслав Аркадиевич Горелов - серьезно болен?!

Нет. Судя по всему - никто. А если учесть, что находилась определенная категория людей, которая ходила к Горелову и с просьбами "о помощи"!?

Да какое могло быть *лечение* - когда *лечить* необходимо было его!?

Но...

А потом я еще больше удивился, когда узнал, что Горелов смог кому-то помочь. Ну, пусть не окончательно решить чью-то "проблему".

Можно предположить, что как раз "окончательно" это сделать невозможно. (Как известно, психоанализ рассчитан на довольно длительный срок "лечения". Три-пять лет - это "средний" срок). Но все же, он действительно помогал...

Правда, со временем я узнал, что это тоже было своего рода мифом, который сформировался как бы "сам собой".

Однажды я встретил такого человека. Его бывшая пациентка. Я не знаю, в каком она состоянии была "до лечения" (вполне возможно, что и намного хуже), но то, что я увидел сейчас... Потухший взгляд. Окружающих она почти не слышала. (То, что она посматривала иногда на меня почти не предполагало разрешить от чего это происходило: реагировала ли она на голос? Или просто улавливала какой-то объект (меня, то есть), который располагался напротив?).

Мне стало как-то дурно. Я сразу представил себе, что это была некогда цветущая и жизнерадостная девушка, которая, почувствовав какие-то незначительные "странности" в поведении - обратилась за помощью к Горелову, а он превратил ее в то, чем она стала.

И только через какое-то время я смог рассеять свои сомнения.

Мой знакомый врач психиатр (как-то вышло, что у меня с Гореловым оказались общие знакомые) дал мне почитать историю болезни.

И я очень удивился (и, признаться, обрадовался), увидев, что метод, использованный Гореловым, не повредил ей. Он просто не смог девушке помочь. Да и, по сути, не был способен. (Насколько я знал - не всякий и психоаналитик брался).

Да, как оказалось, долго не соглашался и Горелов. Но отец девушки отчего-то был уверен - что Горелов поможет. И просто

вынудил Горелова взяться за этот случай, пообещав вознаграждение в три раза больше расценок, по которым обслуживал Горелов.

Как я уже сказал, Горелов не помог. Отец же девушки не заплатил ему ни цента. Еще и пообещав "лишить лицензии". (Горелов после этого чуть было не свернул практику).

К счастью, разгневанный папаша ограничился только угрозами. И вскоре нашел человека, который взялся "вылечить" его дочь.

Глава 22

Андрей Андреевич Бурский... До сих пор передо мной его смеющиеся глазки... Несмотря на серьезность должности, общественного статуса (был он депутат), я никогда не воспринимал его всерьез. Мой мозг, просто *отказывался* как-то "серьезно" оценивать этого человека.

Ему было 45. Он был маленький, толстый, с короткими пухлыми ножками и четко прорисовывающимся животиком.

Бурский был взяточник. "Брал" он при любой возможности; и даже если ему не давали - его лицо (как бы само собой) принимало такое выражение - что не дать - было невозможно.

Но в большинстве случаев - деньги ему все же давали. Причем давали сами. Давали, надеясь на решение каких-то своих проблем. И даже "просто так". Почти оттого, - что "ни дать" -- они просто не могли. И, видимо, глядя на Бурского, как-то понимали, что что-нибудь "дать" - они были обязаны. Хотя деньги, как говорится, хоть борзых щенков. Иначе...

Я почти удивился: что было бы иначе?.. Какой-то реальной силы - Бурский не имел. Он и в местный ЗАКС-то пришел, как говорится, постольку-поскольку. Кто-то решил "поставить" -- именно на него. Должно быть и не надеясь, что кандидатура Бурского "выстрелит".

И видимо было какое-то особое разочарование конкурентов Андрея Андреевича, когда объявили, что по соответствующему избирательному округу прошел именно он. Андрей Андреевич Бурский. Быть может, он и не был так глуп?..

Но если еще на миг задержаться на теме "глупости" и "власти", то, как мне кажется, Бурский принадлежал к определенной категории людей, личность которых вполне вписывается в несколько вечные стереотипы. Привычные настолько, что когда мы видим какого-то нового человека (которого не знали доселе, но который по нашему мнению четко подпадает под уже известный нам образ), мы не задумываясь - наклеиваем ему тот или иной ярлык. Хотя в реальности человек может иметь черты, явно противоположные "обозначенным" нами. Как получается,-- ошибочно *обозначенных*. А мы, словно не замечая этого, - искусственно притягиваем реальный характер этого человека - к тому шаблону, который сформировался у нас в подсознании.

Но это, конечно же, ошибка.

Догадывался ли сам Бурский, что его все время принимают "за кого-то другого"?.. И как-то получается, что я не думаю что это так. Уж очень не верится мне, что этот человек способен хоть на минимально допустимый анализ того, что происходит с ним в жизни?

Да я его, впрочем, никогда всерьез и не оценивал... Такие люди, должно быть, тоже нужны. Ну, по крайней мере, они достаточно многочисленны. Но вот мне они полностью безразличны. И выходило, что любое их поведение я никогда и не принимал всерьез. Хотя наверняка, у них и был какой-то особый (как говорится "свой") склад ума. Хотя ума-то, как такового, особо и не было...

Глава 23

Горелов никогда еще не был так близко на пороге бездны.

Его психика все больше начинала жить по какому-то особому, своему распорядку. Отличному от других. И ни за что невозможно было уже говорить о каком-то былом контроле со стороны Горелова. Да он чуть ли не вынужден был вскоре расписаться в своей полнейшей беспомощности.

.....

Все чаще думая о том, что с ним происходит, Вячеслав Аркадиевич склонялся к мысли, что давно ему нужно было, как минимум, не сопротивляться, стремясь удерживать сознание в тех рамках, кои тому отводились природой. Был, конечно, еще вопрос: насколько он знал о границах этих "рамок"? Но что почти наверняка,-- он все чаще стал полагаться на интуицию.

И теперь многие некогда спорные вопросы в его жизни - решались намного проще. Интуиция для него оказалась именно тем долгожданным волшебным ключиком, который способен был открыть не одну дверь, за которой скрывалась как-нибудь тайна.

Что это была за тайна - Горелов иной раз и не представлял? Но как-то так вышло, что все больше перед ним возникало каких-то загадок, условностей, вроде бы и не разрешимых проблем. И он теперь находил выход. (Если не решая проблему, то хотя бы *подступаясь* к ее решению).

Несмотря на кажущуюся хаотичность мыслей Вячеслава Аркадиевича, он все же до сих пор оставался вполне здравомыслящим человеком. Периоды какой-то патологии психики (периодически заявлявшие о себе) тем не менее, были еще не столь выражены, как, быть может, того боялся он сам. И иной раз эта его "патология" проявляла удивительную *беспечность*. В такие времена Горелов вновь был тем самым Гореловым, каким и казался себе в своих самых лучших мечтах и самых желанных снах.

Сны... сны были каким-то особым состоянием. Именно в них, зачастую. Происходило то, о чем Горелов, быть может, даже и не задумывался в обычной жизни.

В снах Горелов был другой. В отличие от сновидений большинства других людей, в своих снах Горелов чаще всего представал именно в том образе, который был для него наиболее желанен. Какого бы то ни было *смущения* (которое он испытывал в обыденной жизни), там не было. Как не было и той неуверенности, под тенью которой он жил все время.

Вообще, в своих снах Горелов был совсем другим человеком. Можно было даже сказать, что это и не он был. Да чаще всего самого себя Горелов и не узнавал. Он словно со стороны наблюдал за человеком, который был ему чем-то симпатичен; в чем-то был с ним

похож; в чем-то... вернее сказать. В большинстве - Горелов старался походить на него. Другого. Себя? Ну может быть и себя?!

Но вот только насколько этот тот, другой, был он?

Периоды какого-то сумасшествия (явно начинавшегося просматриваться в Горелове) как мы заметили, сменялись периодами спокойствия. Пусть это спокойствие было относительным. И если внимательно всмотреться, его может быть и не было.

Но вот только Горелов ожидал именно его. И как только случалось это, можно было говорить о том, что все у него становилось на свои места. Хотя и,-- продолжалось "затишье" не долго.

Наверное, что-то еще оставалось в его сознании такое, что просто не могло так быстро сдать свои позиции. Что-то до сих пор еще удерживало его мозг от тех последствий. Которые свидетельствовали о наступлении тех необратимых последствий, за которыми уже ничего и не было. Не было жизни. Той жизни, которой Горелов жил. К которой, вроде как, и привык. Жизни, даже с тем почти ежедневным преодолением невероятных трудностей, воздействие которых на себе он постоянно испытывал.

И что в таком случае было делать ему? Мог ли он смириться с этим? Мог ли хоть что-то противопоставить угасающему сознанию?

А эти его сексуальные девиации? Неужели он так-то уж не мог без того, чтобы не заниматься этим "непотребством"?...-- чем больше Горелов думал об этом, тем явнее он находил, что одновременно с его жизнью, той жизнью, которая была видна для большинства (и для него в т. ч.),-- проходила еще одна жизнь. И уже в той, другой жизни, он был бессилён что-либо изменить. Там он проходил исключительно в роли

стороннего наблюдателя. И все, что могло случиться, - было как бы и без его ведома. Насколько он был способен смириться с этим?

Не мог. Конечно же, смириться не мог. Но то, что какого-то его "участия" в той жизни как будто бы и не требовалось (и уж тем более согласия "на участие"), больно ранило его. Заставляя иной раз переживать больше, чем то было и на самом деле нужно.

Глава 23

Горелов чувствовал, что в некоторых вопросах он мог дать значительную фору другим. Например, в том же понимании психики. И совсем неважно, что со своей психикой он не мог разобраться. Это было не так. Он давно уже разобрался с собой. Знал, почему с ним происходит то, что происходит. Ну а то, что не мог в должной мере справиться с этим?.. Так разве каждый психотерапевт справляется с собственным безумием?.. Тем более, если это пока еще и не безумие вовсе, а лишь начальная стадия проявления симптоматики болезни... Давать советы другим намного легче, чем применить что-то к себе. Это было так же верно, как и то, что он мучается и страдает сейчас. И так же будет мучиться и страдать завтра. И ничто не изменится в лучшую сторону. Лишь может быть только хуже.

Но вот другим... Другим уже было совсем иное... Другим - он помочь мог. Мог спасти их от безумия. Безумия, в которое все больше и больше погружался сам. Горелов мог их вытащить обратно. И он знал об этом. И они, как будто знали, о том же. А потому и пациентов - у Горелова было много. Были те, кто лечился уже не один год. Была даже одна девушка, которую он лечил уже пятый год. И злоумышленники даже говорили, - что не только лечил ее.

...Но они ошибались. Ничего "такого" с пациентками делать Горелов не мог. И не только потому, что было "нельзя", но чаще и потому - что он сам бы никогда это не мог позволить. А девушка... Девушка, быть может, и любила его. Но верно было и то, что всю ее "любовь" -- Горелов старался направить на "выздоровление". И считал - что это у него получилось.

В такие моменты Горелов был мне симпатичен. Не скажу - что так было всегда. Но уже видимо и не мог бы описывать его жизнь - если бы до Вячеслава Аркадиевича мне уж и совсем не было никакого дела. Да так я никогда и не думал.

Что же до того, что мне привлекало в Горелове?... Это, пожалуй, наименее интересный вопрос. И насколько я скажу правду, что я и сам до конца не знал ответа на него. Вернее - пока не знал. А еще вернее, что-то не знал, а в чем-то - и не разбирался. Пока. Пока не разбирался. Но уже то, что Горелов заинтересовал меня настолько, что я решил сделать его главным героем своей книги... Думаю, это уже говорит о многом...

Часть 2

Глава 1

Несмотря на свой небольшой рост (рост-то, все таки, был средний. Но почему-то всегда казалось, что Виктор был роста небольшого), этот человек все время находил способы показаться значительным.

В 42 - он стал генерал-майором. В 45, получив очередное звание - неожиданно ушел в отставку. Хотя прочили ему, насколько я знал, более чем большое будущее. Карьеру. Я имел в виду военную карьеру.

А всего через год, о том, что Виктор был генерал-майором - уже все и забыли. Теперь он жил на даче. И был... писателем.

С Виктором я познакомился уже совсем случайно. И даже уверен, что ни при каких обстоятельствах такое бы знакомство не состоялось (и он и я вели весьма затворническую жизнь), если бы... Если бы Виктор Аркадиевич Горелов - не оказался бы родным братом Вячеслава Аркадиевича Горелова. Узнав про то, не познакомится с ним я просто не мог.

Глава 2

Что из себя представлял Виктор Горелов? Мне казалось, что я должен только схематически был описать его. Все-таки, основное повествование было о его брате. Но, всматриваясь в его портрет глубже, я понял, что для меня Виктор - оказался чем-то даже ближе.

В нем угадывалось какое-то мужское начало. То, что наверняка подавляло других. Но и то, что невероятно к нему располагало. Причем Виктор Горелов относился к своим "способностям"... Ну, как бы, старался их и вовсе не замечать.

--Видимо он что-то хотел скрыть в своей жизни,--подумал я. И мне тут же захотелось узнать эту тайну. Но о том, чтобы всем рассказать о ней. А быть может только для того - чтобы лучше понять

самого Виктора. Ведь он был братом Славы Горелова. А сравнивать братьев - было всегда интересно.

По всей видимости, у Виктора Аркадиевича Горелова действительно была какая-то тайна. Но подобраться к ней - оказалось не так-то и легко. (На то это была и тайна). Однако все же я узнал, что со временем разберусь. И я... решил познакомиться с Виктором Гореловым ближе.

Впрочем, Виктор Аркадиевич Горелов теперь стал действительно писателем. И был известен под новым именем - Виктором Баевым. Так его впредь обязуюсь называть и я. (Но вы ведь знаете о ком идет речь?..).

Виктор Аркадиевич Баев - на удивление оказался талантливым писателем. Вероятно, ростки таланта сохранились в нем еще с юных лет, когда он работал корреспондентом местной краеведческой газеты.

Как оказалось, продолжал писать он и потом. Но печатался исключительно под псевдонимом. Поэтому общее число публикаций, по всей видимости, никогда будет и недоступно для меня. Если, конечно, о том не решит рассказать сам Виктор. Но подобного желания я в нем не угадывал. А значит, как вроде бы, и решил оставить подобную тему - дожидаться "своего часа". (А то и появления когда-нибудь у Виктора Аркадиевича Баева - Горелова личного биографа).

Что Баев писал? Рассказы. Почему-то Баев писал сейчас исключительно рассказы. Тематика? Почти фантастика. Хотя и фантастики было там ровно столько, насколько фантастичен наш мир. Но ведь и реалистом Баев не был. Он писал о чем-то потустороннем.

Что, на вроде как, и происходит. Но чего, вроде как, - и не может быть. А то, что есть, - многие стараются не замечать.

Но те немногие, которые "замечали", -- находили книги Баева маленькими шедеврами. Маленькими, - потому что Баев как-то не тянулся к большим формам. А рассказы у него были действительно маленькими. По объему. Но не по содержанию. Как раз по содержанию они включали в себя такую глубину, что их хотелось и читать, и перечитывать. И всякий раз, каждое предложение - открывалось по-своему. Как будто был заложен в нем какой-то сакральный смысл. Да и смысл-то, пожалуй, был непонятен. Многим. Но если перечитывать любой маленький рассказик Баева - в нем угадывалось большое значение. Значение, которое быть может, было и недоступно пониманию самого Баева. Так ведь случается, что иная проза иных писателей - несколько опережает время. Время, в т. ч., в котором живут и эти писатели. А значит, не все может быть понятно и им.

Случается, уверяю вас, что так случается. Пусть и не настолько часто, чтобы считать Баева одним из представителей подобных "счастливых". Но некоторые считали именно так. Да быть может и я - принадлежал к их числу.

Глава 3

Однако, уже несравненно интересней творчества Баева - могла показаться жизнь Виктора Аркадиевича Горелова. И как раз в каком-то особом наслоении жизненных ситуаций, каждая из которых в какой-то мере да отложила какой-то невидимой (а иной раз и четко различимой) черточкой в его характере.

Я не раз удивлялся, замечая как Баев совмещал в себе достаточно личные черты. Например, все это его военное прошлое просто вынуждало его быть властным. И жестким. Но так было не всегда. И было тем более странным, что где-то в глубине его души скрывался нежный и ранимый человек. Почти что трус. Который боялся неловкого движения (и собственного "неловкого движения", чтобы не вызвать какое "неодобрение" окружающих, и чужого "неловкого движения", чтобы они ненароком не заметили что он заметил это - и не обратили свой гнев на него).

И в то же время Баев иногда казался мне очень решительным. Видимо, в такие минуты на него находило совсем уж нечто необъяснимое. Он способен был, например, то же время Баев иногда казался мне очень решительным. человек.ые черты. какой-то мере да отложилась какой-то невидимой (а ин учинить скандал там, где это, в общем-то, не полагалось. Ну, или, считалось дурным тоном. Но Баева уже ничто не могло остановить. А подчиняться хоть каким-нибудь образом толпе (подчиняться вообще кому-нибудь), для него в последнее время оказалось весьма и весьма болезненно.

Да он и раньше-то, не особо это любил. Поговаривали даже, что и из армии его уволили (на пенсию) за то, что при одной из проверок, как-то "не так" "отреагировал" на критику штабного руководства. Насколько верно было это, я не знал. Но уже знал (несмотря на мое недолгое знакомство с Баевым-Гореловым), что обладал Баев одной интересной особенностью. Он мог, например, достаточно снисходительно относиться к любой критике, если считал, что она исходит или от очень уважаемого им человека (впрочем, после такой критики - "планка уважения" к такому человеку опускалась), или оттого, чье мнение было для него безразлично.

В таких случаях на любое слово такого человека ("хвалебные" оды были бы, или критические напасти) Баев попросту не обращал внимания.

Но вот случалось у него, когда любую критику он воспринимал весьма и весьма болезненно. И тогда, бывало, Баев начинал очень сильно переживать. Даже как-то замыкался в себе. А бывало наоборот - взрывался такими проклятиями, что человек, вроде как и случайно высказавший какое-то замечание, принимал на себя удар всей артиллерии.

Баев ругался, кричал, топал ногами; и казалось, еще немного, и он пустит в действие свои кулаки.

Впрочем, до самих кулаков никогда не доходило. Но иной раз казалось, что лучше бы "спорщики" выяснили свои отношения на кулаках. Так был бы какой-то обоюдный выход отрицательной энергии. Да и боль от тумачков совсем не сравнить с той моральной травмой, которая всегда получалась от общения с Баевым. От "скандального" общения.

Я не знаю, что выносил Баев от подобных скандалов. Случались они, впрочем, не часто. Но почему-то я всегда уверен, что любым своим участием в похожем скандале, люди компенсируют какую-то свою "неполноценность". словно бы криком - возвеличивая себя в глазах окружающих. И в первую очередь, конечно же, в своих собственных глазах.

Становясь значимыми от подобного рода выхода собственной агрессивности, такие люди словно филогенетически вступают в связь со своим архаическим прошлым. "Дикарь" живет в каждом из нас. Вопрос только в том, насколько цивилизация смогла глубже его спрятать в глубинах психики того или иного современного человека.

На наше сознание словно наложен некий особый вид цензуры; т. н. культурный слой цензуры. И все, что как-то может противоречить понятию цивилизованности,-- вступает в явное противоречие с исконно присущим каждому индивиду. Чем это прошлое было сильнее, тем архаическое начало заложено в человеке глубже (представлено ярче), тем легче он преобразуется, когда в его жизни возникает какой-то случай, при котором энергии - явно преобладают (больше преобладают) над разумом. В такие мгновения мы как будто становимся не подконтрольными самим себе. И из нас наверняка извлекается то, что может и весьма болезненно сказаться на окружающих.

Глава 4

Для меня долгое время оставалось загадкой - любил ли кого Баев?

Но вдруг я узнал, что, оказывается, он невероятно влюбчивый человек. И словно зная о своей такой "особенности", Баев старался вообще избегать женщин. Вероятно избегая, главным образом, какого обмана с их стороны. Ничто его не могло убедить в том, что "обмана" не будет. Иной раз, думаю, его и обманывали только из-за того, что он этого ждал. В нем даже как-то угадывалось столь странное желание. Это, конечно же, мешало какому-то общению с ним.

Да Баев и сам не стремился к общению. Но видимо, потребность в женском внимании у него все же была велика. Причем, нравились ему не любые женщины (ему никогда бы не понравилась женщина только из-за того, что она была представительницей другого пола, нежели чем

он); в женщинах, на его взгляд, должна быть некая обязательная особенность. Которую он наверняка должен был разглядеть.

Что было дальше?.. Здесь у меня информация двоякого рода. По одной,-- Баев еще долгое время поддерживал с такими женщинами контакт. В т. ч. и сексуальный. По другой, только узнав какой-то секрет такой женщины - у Баева тотчас же пропал интерес к ней. А вскоре, каким-то незамысловатым образом, он прекращал и любое общение с ней.

И все же мне показалось, что Баев боялся женщин. Для него общение с женщиной чем-то напоминало общение с тигрицей. Вроде как, и "прирученной" тигрицей; вроде как,-- и "доброй" к вам; и в то же время вы должны всегда оставаться настороже: любой резкий (или необдуманный) шаг - приведет к краху.

И быть может потому, все же общения с женщинами Баев старался избегать.

Для меня, поистине, было откровением то, что он вытворял с ними в постели. Там уже не было привычной сдержанности, свойственной ему в жизни. словно бы Виктор Аркадиевич компенсировал всю ту скованность, которым искусственно (конечно же, теперь я знал, искусственно) была проникнута его жизнь. Его официальная жизнь, которая была на виду.

Так получалось, что мы какое-то время любили одну и ту же женщину.

Она с легкостью обводила каждого из нас вокруг пальцев. Причем, вероятно, связью с ней каждый из нас дорожил настолько, что какой-либо "гнев возмущения" мы могли разыграть только после того,

как она бросила нас. Да и точнее даже, не бросила. А сделала все так, чтобы этого захотели мы (и при этом никто из нас - меня и Баева - да как потом я понял, и не только нас) и не знал, что у нее был кто-то еще. Не думаю, что даже если бы и знал... вряд ли у кого-то хватило сил - противиться этому.

Мы любили эту женщину. А она любила нас. И отдавалась любви настолько, что ей можно было простить все.

И даже тогда, когда мы узнали, что она уехала с каким-то иностранцем к нему на родину, ни у кого не возникла мысль подумать про нее что-то плохое.

Она как-то быстро стала частью каждого из нас. Каждый ощущал в себе какое-то необъяснимое единство с ней. Словно это была близкая душа. Понимающая, точнее, не только понимающая, но и та, с которой возможна самая откровенная связь. Причем создавалось впечатление, что эта связь больше даже нужна ей, а не вам. Но именно вам она давала столько, сколько еще никогда ни от кого не получали вы до нее; и сколько уже вряд ли получите после.

Лили (вот ее имя... мне отчего-то кажется - вымышленное имя) каким-то необъяснимым образом угадывала - *какой* - хотел видеть ее мужчина. И представляла перед тем - именно в этом образе.

Быть может и потому, я совсем не возьмусь описывать ее... Внешность ли... особенности характера... Все оказалось совсем неважно... Каждый из мужчин Лили (а, судя по всему, мужчины бы то главное и единственное, ради чего она существовала), видел в ней ту женщину или девушку - образ которой подсознательно и уже давно воздвиг для себя. А Лили... Лили как-то удачно (и всегда) угадывала этот образ... и... соответствовала ему...

Пожалуй, я могу признаться, что о многом о Лили - я узнал от Виктора Баева. Как-то так вышло, что я застал того в минуты каких-то невероятных откровений.

Вызваны были "откровения" каким-то очередным разочарованием в жизни. Да еще, вероятно, значительной долей коньяка. Который пил Баев уже несколько дней подряд, закрывшись у себя на даче. Ну, или, почти закрывшись. Меня-то он все же впустил.

И вот как раз тут я и услышал о Лили... И после этого напился и сам... Лили до сих пор для меня оставалась той, ради которой многое мог позволить... Лили когда-то свела меня с ума... И как оказалось - точно также Лили свела с ума Баева... И как уже выяснили мы оба - не только нас...

Впору было открывать клуб покинутых сердец... Клуб памяти нашей Лили... И мне помнится, пришлось здорово пожалеть своей "шутке"... Потому как пришлось чуть ли не насильно связывать Баева (да еще буквально разрывать телефонные провода, как путы опутавшие его дачный домик), когда он решил собственноручно уничтожить всех любовников Лили... Ну или - отдать приказ - об уничтожении...

Баев до сих пор для меня оставался загадочным человеком... И я несколько не был уверен, что он и на самом деле будет способен привести свои намерения в реальные действия. Мало ли, кто там может еще получится?..

Но зато я узнал о Лили те подробности, которые помогли бы мне (пусть и схематически) набросать не только ее портрет, но и какие-то мысли, которыми, вероятно, она иной раз руководствовалась в своем поведении.

Но я совсем не буду это делать... Пусть все таки эта женщина останется для меня той загадкой, которой - она наверное и хотела быть перед нами... Перед своими мужчинами... Но эта женщина была рождена для любви... и я ей способен был простить все...

Глава 5

Баев любил женщин. Он любил спать с женщинами. Как только начиналось время каких-то сексуальных отношений, вся та маска, которая была на нем - спадала. Теперь он готов был подчиняться любым женским прихотям. Но в самый "решающий" момент, когда женщина уже как вроде бы и окончательно стала считаться со своим превосходством над униженно ползающим возле ее ног Баева - все менялось. И так внезапно, что еще какое-то время женщина обычно оставалась заторможенной. Просто не в состоянии быстро перестроиться с одной роли на другую.

И только тут она понимала, что это все была игра. И мужчина перед ней - совсем не тот, за которого приняла его она. И быть может даже, это у нее было такое желание, чтобы как-то компенсировать свою привычную униженность (большинство женщин у Баева были исключительно проститутки); а этот мужчина как будто бы даже угадал желание ее; но все равно, вышло так только сначала; а потом все равно - подчиняться должна была она. Да ей это и привычно. И давно уже не выказывает таких чувств, о наличие у ней которых - почему-то думают мужчины. Она давно уже привыкла подчиняться. Можно сказать - свыклась с этим. Пусть и когда-то заставила себя свыкнуться. И давно уже не переживала из-за того, что должна как-то обманывать. Обманывать в первую очередь себя. Ведь, наверняка же,-- не

обманывает она себя. Просто она уже такая и есть. А этот вот мужчина...

А Баев уже заметно изменился во второй части "спектакля". Теперь наоборот,-- подчиняться должны были ему. Да от него сейчас исходила такая первобытная сила, сила дикаря, что ему и невозможно было не подчиниться. И уже быть может потому, Баев как-то удивительно легко вживался в свою новую роль. И был он "неутомим" в постели.

Впрочем, писать мне о том, как-то и неприлично. Это все словно предусматривалось само собой. И пусть каждый домыслит сам. Причем, "домысливать" разрешается чуть ли в неограниченных количествах. Потому что, то, что позволял себе вытворять Баев в своем сексуальном общении с женщинами - иной раз и страшно становится. От его больной фантазии, быть может...

И все же, Баев был болен... Он был психически болен... И пусть заболевание его еще не дошло до той стадии, когда стало бы уже заметно всем окружающим; но то, что к этому шло - сомневаться было даже как-то неловко. Причем, всегда что-то удерживало (и меня, и - не только меня), чтобы о чем-то заметить, указав Баеву на какую-нибудь оплошность; и пусть даже это была еще и не оплошность; вернее - не совсем оплошность; но как бы то ни было - из таких "звончков" -- складывается в последующем (а когда-то в случае с Баевым и сложится) гул душевной раны; от которой люди подобные Баеву - спасаются безумством. Случавшимся с ними безумством. Потому как - "бегут" они в болезнь, словно пытаюсь найти в болезни какую-то

нелепую защиту; словно пытаюсь "задобрить"; словно,-- уже и не справляясь с тем, чтобы жить прежней реальной жизнью.

Произойдет ли что-то подобное с Баевым... Скажу, что я как-то предполагаю это... Предполагаю... И было бы хорошо - если бы я ошибался...

Глава 6

Все те разговоры о "странностях" Баева - Горелова, появились намного позже. Можно сказать даже, что стала возникать какая-то новая (и по сути необъяснимая - но так сказать нельзя, потому как все в мире имеет свою цикличность, а потому повторялось и в случае с Баевым) вера в этого человека. Почти на моих глазах (да и на его, конечно же, он застал это) происходило воздвижение прижизненного памятника; из человека (из вполне земного человека, со многими. К сожалению, сопутствующими ему "странностями", если не сказать - пороками) стал отщепляться некий образ. Который (уже будто бы и самостоятельно: в этом деле важно лишь слегка "подтолкнуть" только вначале) возвеличивался и довлел даже над теми, кто знал Баева лично. В какой-то мере, конечно, сыграла роль история с псевдонимом. Быть может даже и не совсем планировал достижения этой цели сам Баев - Горелов (по крайней мере, мне не верится, что это так), но видимо в какой-то момент он или упустил ситуацию; или отпустил ее. Дав развиваться по своему какому-то сценарию.

И ведь не сказать, чтобы Баев ошибся. Все получилось именно так, как то должно было бы быть, надумай какой автор написать сценарий будущего спектакля.

И в итоге, те, кто знал генерала Горелова - так и продолжали знать: генерала Горелова. А писатель Виктор Баев - возник словно сам по себе. И как-то быстро полюбился определенной части публики. И они знали его именно как Виктора Баева. И совсем не знали генерала Горелова. Зачем им был этот генерал? Баева вполне достаточно.

И ни у кого и мысли не возникло как-то сопоставить этих двух людей. Да и зачем? К тому же и не знал никто ничего о прошлом Баева. А большинство - и псевдоним-то его воспринимали как собственную фамилию.

Баев писал рассказы. Чудесные небольшие рассказы. А мне всегда было интересно: насколько Виктор баев в жизни отличается от Виктора Горелова? И ведь никто не сказал бы, что это был тот образ, который стал рождаться вместо истинной (реальной) жизни Горелова - его-то и принимал и сам Баев - за себя настоящего. Он как-то легко принял иное восприятие реальности. Как-то быстро почувствовал невероятную сладость его. И наслаждение, которое он при этом испытывал, было несравненно больше каких-то благ - ниспосланных свыше.

Задумываясь иной раз о Баеве - Горелове, я почти всегда приходил к заключению, что он каким-то удивительным образом был отмечен свыше.

Мне как-то не хочется упоминать сейчас имени Бога. Быть может мы и не вправе сейчас высказывать какую-то оценку этому. Но могу сказать я уже наверняка (ну или - почти наверняка), что многое, чего другим просто не удавалось или было недоступно (скорее -

недоступно) для Баева разрешалось как-то само собой. И (казалось мне) удивительно легко.

Вот так вот.

Могу я даже сказать. Что нечто такое, видимо, Баев чувствовал и сам. Чувствовал не сразу. Не всегда. Но каким-то образом, видимо, что-то такое угадывал он в себе. И быть может оттого, стал он как-то проще относиться... к жизни, что ли... Как-то легко у него все получалось. Как-то намного легче (наверняка намного легче) чем, то доставалось другим.

Думаю я, как бы все повернулось, если бы Баев раньше заметил свою... "избранность". Быть может, он бы и изменился тогда? Да и наверняка бы изменился.

Но выходило так, что все как будто происходило помимо его - какого-то желания. Словно бы действительно само собой. И ведь было бы совсем уж ошибочным сказать, что все ему доставалось так-то уж спокойно. Скорей всего, все было результатом жесточайшего труда над самим собой. Он словно ощущал, что в нем постоянно должен происходить какой-то внутренний рост. Можно даже сказать, что он сам инсценировал этот рост. Каким-то образом - сподвигал его.

И ему удавалось. И не только удавалось, но и наверняка что-то бы и происходило (могло бы происходить при возникновении каких-то иных условий, которых, впрочем, не возникало). Но этого действительно - не происходило. Баеву как будто постоянно фартило. И долгое время я бы и думал так, если бы не понял, что в образе Виктора Аркадиевича Баева - Горелова - передо мной предстал удивительнейший человек. И даже чуть - чуть коснуться жизни его, -

значит уже не только облагородить и себя; но и - быть может - как-то прикоснуться к той тайне, которую являла жизнь его. И при этом - жизнь-то его - никогда и не была тайной.

Баев словно и сам всячески стремился, чтобы все у него - было на виду. И видимо как-то так выходило (и уже действительно совсем независимо от него), что люди почему-то не замечали явного. То, что, собственно, и "предназначалось" для них.

А наоборот. Всегда искали какой-то загадки. Некого тайного смысла, который - по их мнению - наверняка должен быть.

А Баев... Баев, видимо, почувствовал *что-то такое*... Потому как чем тогда объяснить, что тогда, когда при жизни его - уже начала складываться о его жизни какая-то легенда,-- он не остановил, не изменил, не перенаправил неверных мыслей о нем, да нелепых суждений и иной раз совсем ошибочных выводов - а наоборот,-- если и не открыто потакал им (а где-то случалось и так; словно он был заморожен самим "процессом"),-- это внимание?..

В итоге, вместо реального образа Баева - Горелова - родился вымышленный образ писателя Баева.

А он... Насколько он ему соответствовал?..

Глава 7

Мне как-то подумалось, что в соответствии с тем образом, который стал олицетворять Баев, ему видимо подбирались и женщины.

Так получалось, что многих из этих женщин знал и я. С кем-то из них на удивление приятно общаться. Портрет некоторых, быть может, мне пришлось в какой-то мере домыслить.

Но насколько много в том, что видел я, было неправды? Да пожалуй, "неправды" там и не было вовсе. Это, если хотите, был мой взгляд. Но когда я как-то показал свои записи Баеву (что делаю не всегда, а уже видимо и вышло-то как бы само собой) - Баев помнится, с каким-то вниманием вчитывался в строчки. И на его лице отражалась его недавняя жизнь.

Каких-то слов мне было не нужно. Я понял, что угадал все на удивление верно. И даже там, где я позволил себе право "домысливать" ситуацию, даже там, как оказалось, у Баева не было никаких возражений.

Нелли... Нелли Мошек.

Эту еврейскую белокурую девочку я помню достаточно хорошо. Было ей 35. Но когда я только познакомился с ней - ей было 25. А последний раз я видел ее, когда ей уже было начало 40.

Но она совсем не изменилась. Она не только не изменилась, но и как-то *изменяться* не собиралась.

Виктор Баев ее любил безумно.

Какой-либо взаимностью она ему не отвечала. Но какие-то совсем мельчайшие детали дают мне право судить о том, что, все же, она тоже любила его. И любила той безумной любовью, которая была нужна ему. И на которую была способна она.

Да, Нелли, видимо, как-то и не могла любить иначе. В представлении обывателей она бы с легкостью могла показаться взбалмошной особой. К каким-либо любовно-сексуальным обязанностям и нормам поведения (включая сюда мораль, нравственность, и проч., и проч.) она относилась весьма по-своему. Но

верно, что у нее на все был какой-то свой взгляд. Который с легкостью оправдывал ее поступки, которые бы никто больше совершить не мог. А она в этом не находила чего-то страшного или запретного.

Она могла любить нескольких мужчин. Могла любить их сразу, одновременно, позволяя себе любые чувства, которые только способны были родиться (и рождались... и рождались...) в ее маленькой головке.

Даже официально у нее в одно и то же время было два мужа. И еще несколько любовников. И один-два мужа т. н. гражданских. Причем я уверен, что все они знали, что кроме них - у Нелли есть кто-то еще. Но о возможном "сопернике" они предпочитали не думать. Да и всем мужчинам Нелли - очень хотелось верить, что только он один - самый желанный и единственный. А другие нужны, например, просто для вдохновения...

И с каким *вдохновением* она отдавалась каждому из них!..

Но ни разу... ни разу никто из мужчин Нелли - не выказал и тени сомнений в ее поведении... даже если все мужчины Нелли и догадывались о существовании в ее жизни кого-то еще. Быть может, они просто об этом старались не думать?.. Притом что наверняка, никто бы из этих мужчин не пережил, если бы Нелли ушла. Она просто не могла уйти... С ними она должна быть всегда...

И уже тогда, какое-то складывающееся положение дел - каждый просто считал таким, каковое, собственно, и должно было быть... Да оно было бы и все равно. Независимо от какого-то желания. А раз так - зачем переживать? Ведь многое можно разрушить просто *понедомыслию*...

Глава 8

Елизавета Владимировна Турчина, казалось, была противоположностью Нелли. И даже то, что она была младше Нелли (когда Нелли было 35, Елизавете Владимировне было 27) говорило о многом.

Я совсем не знаю, какой Лиза Турчина будет в 40, 50, 70 лет... Но мне кажется, что она и не сильно изменится. По крайней мере, по характеру. Сейчас я совсем не хочу писать про рост, вес, и прочие данные, которые способны только акцентировать внимание на совсем уж ненужных деталях. Ничем Турчина никогда не выделялась из внешней массы обычных по своему внешнему виду девушек. Но это было совсем не важно. У Лизы была невероятная душа. Чуткость. Такт. И... Красота. У нее была необычайная женская красота. Красота эта исходила из нее. Из ее души. И с легкостью затмевала ее внешность. Потому что никто уже не замечал ничего больше, кроме как излучавшейся от Лизы - внутренней гармонии. И делал все - чтобы наслаждаться этой гармонией вместе с ней.

Всю жизнь Лиза любила только одного мужчину. Этим мужчиной был Баев. И мне всегда казалось, что так не должно было быть. Мне всегда хотелось предостеречь это милое создание от излишней влюбленности в Виктора. Не потому, конечно же, что мне не нравился Баев (я как-то уже замечал, что испытывал к Баеву какую-то внутреннюю симпатию); совсем нет. Мне просто не хотелось, я не мог допустить, чтобы такая женщина как Елизавета Турчина - когда-нибудь страдала. Такая женщина как она - страдать не могла. Не должна была. И если бы случилось так - я бы верно чувствовал вину за себя.

...Мне нравилась Лиза Баева... Я даже мог бы сказать, что способен был влюбиться в нее. Увлечь собой. Но я никак не мог позволить себе сделать это. Этого делать было нельзя. Нельзя...

Так выходило, что к тем женщинам которых довелось мне знать лично (а, равно, как и к тем, которых я не знал. Но их образы иногда проплывали передо мной) я всегда относился больше с теплом и заботой, нежели чем с какой-то влюбленностью.

Но настоящая влюбленность бы слишком приземляла меня. Я все время ощущал какое-то парение. Мне всегда нравилось находиться хоть на один шаг дальше других. Выше других. Над - другими. И словно в этой самой неуловимости - и заключалось то, что было по настоящему нужно мне.

И Виктор... Мне почему-то казалось, что Виктор Баев такой же. Но с какой-то долей условности. Он как вроде бы и любил этих женщин. Словно эта любовь все же больше относилась к чему-то земному. И он, конечно же, вынуждал себя жить в соответствии с какими-то нормами общества. Но, видимо, все равно, как-то интуитивно угадывал, что основную, главную часть жизни все же живет где-то в другом измерении. И... можно было бы с легкостью запутаться ему совсем. Но... как-то удивительно ему удавалось обходить все случайные и невидимые (зачастую именно неосязаемые) преграды. И видеть, всегда видеть нечто большее, чем способны были различить другие...

Елизавета Владимировна Турчина была очень строгая девушка. Она носила всегда длинные, закрывающие одежды. Имела длинные волосы. Очень серьезный взгляд. На многое у нее было свое (строгое... непременно строгое...) суждение. Она даже, казалось, вела какую-то

аскетическую жизнь. По крайней мере, ничто не могло (и не должно было) нарушить ею раз заведенного порядка.

У каждой вещи было свое место. (И в этом она являла удивительную противоположность Нелли, которая всегда была взбалмошна, и подчинялась какому-то единому порыву настроения). Турчина такую не была. Это совсем было не в ее характере.

Да она бы и никогда не позволила себе такую быть. И прежде чем сделать что-то - это "что-то" предваряла настоящая (и порой достаточно долгая) мыслительная деятельность. На удовлетворение сиюминутных страстей да желаний она была неспособна.

Глава 9

Марина Лямова и Ася Шахова были подруги, с удивительной разницей лет в пятнадцать, и удивительной внешней (и, видимо, внутренней) схожестью. Они всегда были необычайно дружны. Мне даже казалось, что между ними была какая-то любовная привязанность. И я совсем не обращал на это внимание, пока как-то (после какой-то довольно загадочной вечеринки - загадка состояла в том, что я не хотел туда идти - а пошел) утром проснулся сразу с двумя; в одной постели; и по всему выходило - что перед тем как уснуть... В общем, мы уснули все троим не просто так. И я уже было начал вспоминать, что же могло между нами произойти, как девушки проснулись - и у нас как будто бы началось все сначала.

Я даже никогда не думал, кого любил из них больше. Как-то представляли они передо мной все время одной. А потом в какой-то день - они исчезли так же. Вместе.

Прошло много лет. И вдруг находясь в доме Баева, он будто бы случайно упоминает о том, что к нему в гости вот-вот должны нагрянуть две его недавние приятельницы. Поэтессы. Я, правда, уже уходил. Но, столкнувшись в дверях с двумя девушками, я только на улице понял, что это были Ася и Марина...

Но возвращаться было как-то неудобно...

Но оказалось, что они меня узнали. Но, видимо, тоже не сразу. Да и наверняка, не ожидали увидеть у Баева.

Решив что обознались, кто-то из них все же коснулся в разговоре того незнакомца, который только что был, и обо всем догадавшись, они все втроем выскочили меня искать. Но я, конечно же, куда-то ушел.

А я. Я сидел в соседнем кафе. И пил чай с коньяком. Осенняя погода и мое настроение - к этому вполне располагали. И если бы я только знал, что кто-то меня искал?!..

Несколько раз судьба как вроде бы порывалась устроить нашу встречу. Но все время вмешивалось нечто потустороннее, и совсем независящее ни от кого из нас. А после как я узнал, девушки уехали к себе в город. Жили они теперь где-то в центре России. А насколько им была провинциальная жизнь - я не знал. (Все же оказалось, что я перепутал. И уехали они не в центр России, а в какой-то небольшой польский городок. Но для меня уже было почти одно и то же. Сам я путешествия не любил. И судя по всему, больше с девушками встретится был не должен).

И только чтобы еще чуть-чуть задержаться на этом, скажу, что в один из дней я как-то долго не мог удержаться чтобы не спросить у Баева, что общего у него было с теми девушками. Но Баев, помнится, отговорился какой-то тут же придуманной шуткой. А мне было неловко продолжать расспрашивать его дальше. (Тем более, выказывая какую-то излишнюю заинтересованность, которую, мало ли, как он мог расценить?).

Я вообще, все больше получалось, любил расспрашивать о ком-то, нежели чем говорить о себе. Да и какое-то время я, помнится, носился с идеей включить Баева в какое-то особое повествование своей книги. Книги, которую задумал большей частью о его брате. Но она (книга) стала как-то расплываться в сторону. Так что я совсем уже не знал - к чему это приведет.

Глава 10

Кэт Стравински и Оксана Любова были двоюродные сестры. Первой было 24 года. Второй 38. Как-то так вышло, что влюбились они в Баева вместе. И я просто должен хоть схематично набросать их портрет. (Чтоб хоть бы представляли, о чем я говорю).

И одна и другая были небольшого роста. Кэт худенькая. С какой-то мальчишеской фигурой, живым взглядом, и большими полными губами, на которые почему-то хотелось все время обратить внимание. В манерах Кэт угадывалась какая-то податливость. Она с легкостью соглашалась с вами во всем. И, казалось, просто не могла что-то не сделать, если ее о том не просил мужчина (мне как-то не доводилось видеть, как она разговаривает с женщинами. Другими

женщинами, помимо своей сестры). Оксана была значительно полнее. Но толстой она никогда не была. И если что-то бросалось в глаза, так это ее удивительно большие ресницы, очень большие глаза, и внушительная грудь. На эту грудь приходилось все время невольно обращать внимание. Но Оксана уже видимо настолько привыкла к этому, что уже почти и не смущалась. И лишь только щечки ее становились слегка покрасневшими.

Красоты она была неимоверной. И, видимо, от этого смущалась тоже. А потому (так уж получалось, что я отчего-то видел в этом взаимосвязь) нрава была кроткого. Хотя всегда улыбалась. Но улыбка ее больше казалась улыбкой от смущения, нежели чем ей действительно всегда было смешно.

Как раз смеялась всегда Кэт. И она заражала вас каким-то необъяснимым весельем. И вы просто не могли, чтобы не расхохотаться вместе с ней.

Мне кажется, что Баев любил обоих. Так же как они любили его. Я не знал, как это было выражалось физически, но вполне допускал, что они могли и спать вместе (хотя все же узнал, что в этом ошибался).

Выходило так, что фантазия моя, иной раз, домысливала что-то за меня. Поэтому (зная это) я вынужден был все время сдерживаться, чтобы не написать о том, чего не было...

Глава 12

Я задумался сейчас, да насколько я должен касаться всех этих женщин, которые когда-то я заметил в компании Баева? Ведь мне и сам-то Баев был интересен постольку-поскольку.

И я решил остановиться. Хотя, видимо, просто не могу не упомянуть еще о двух. Арине Камовой (высокой брюнетке со строгим и очаровательным взглядом) и... Да нет. Больше и не следует, пожалуй.

Тем более, женщины в жизни Баева все же - как оказалось - играли весьма странную роль. Они, вроде как, и были (и должны, просто обязаны были быть); и в то же время - совсем нельзя было сказать, чтобы он к ним относился так, как о том думает большинство мужчин.

Женщины Баеву были необходимы *для творчества*. Быть может, для рождения неких удивительных образов, которые потом (позже) сходили со страниц его замечательных книг. И, как мне кажется. Не больше...

И уже потому, я просто обязан еще раз вернуться к самому Баеву. Я все время чувствовал, что как-то должен передать тот мир, который складывался вокруг него. Участником которого он был. Но уже слово "участие" предусматривает нечто уж слишком уточняющее. Образ же Баева, - большей частью был весьма расплывчат. И мне почему-то казалось, что именно так и должно быть. Хотя бы потому... Хотя бы потому, что на самом деле никакого Виктора Аркадиевича Баева - и не было. А вместо него... Вместо него был все тот же Вячеслав Аркадиевич Горелов. Который какое-то время назад стал писать книги. Выпускать эти книги под псевдонимом. Тем самым, как оказалось, и запутав не только меня, да и многих других. В том числе... В том числе и тех, кто знал его, как им казалось, очень близко.

Но они все ошибались...

Часть 3

Глава 1

Но ведь я не мог... Я совсем не мог писать о том, что я не знал. Это еще возможно бы было, задумай я изначально какую фантазийно - вымышленную вещь. Но я бы себе не позволил отдаляться от какой-то реальности.

Реальность это то, что обязательно должно просматриваться в моем повествовании. И лишь быть может я могу себе позволить заметить, что реальность это немножко (пусть пока еще совсем немножко) отличается от того, что явно бросается нам в глаза. Это еще не реальность. Вернее, это совсем не та реальность, которая интересна мне. А мне всегда представляется важным заглянуть немного за ту потусторонность, которая непременно сопровождает нашу жизнь. И о которой у большинства, к сожалению, достаточно неверные (да и нелепые) взгляды да суждения.

Но я просто спешу предупредить невольно напрашивающиеся ошибочные выводы о моей любви к какой-то "нереальности". *Любви*, скорей всего, тут не больше, чем вполне тривиальной констатации факта. И если это уже так, то почему я должен отрешиваться от того, что удастся видеть чуть лучше, чем другим?

И Баев и Горелов оказались одним человеком... Но наряду с каким-то потрясением (которое наверняка на кого-то могло произвести эта немного необычная деталь повествования, а на самом деле всего лишь одна из загадочных подробностей жизни Славы Горелова) явно просматривалась и еще то, что было всего лишь - явным следствием того, что существовало и так. И чего попросту кто-то не хотел (да и, может, просто не был способен) замечать.

Я же давно уже обращал внимание на то, что Горелов все больше находился в каком-то ином измерении (реальности) чем должен быть. И при этом, как-то незаметно было его какого-то (хоть минимального) расстройтва из-за этого.

Мне уже даже почти перестало казаться, что Горелов медленно сходит с ума. Все больше я замечал, что это, видимо, происходит со мной. Или с кем-нибудь из тех, кому приходилось с Гореловым общаться. Сам же Горелов... Горелов даже наслаждался своим безумством... И завораживал этим сумасшествием нас... А мы... а мы, как будто бы, ему и не сопротивлялись...

.....

Описывая Горелова, видимо действительно следовало давать какую-то ссылочку на то, какого, собственно Горелова, я описываю сейчас. После нескольких лет нашего общения (хотя я не мог бы точно утверждать: что это были годы?) Вячеслав Андреевич как-то внезапно раскрылся передо мной совсем иначе, чем доселе я его представлял. И много из того, что я было принял за какую-то черту характера его, было всего лишь временной нормой его поведения; и исчезала тотчас же, когда необходимость "игры" в эту "норму" отпадала.

Каким-то очень загадочным стал казаться мне Горелов. Я уже совсем был не уверен - действительно ли знаю что-то о нем, чтобы принадлежало именно ему. И как-то так выходило, что было бы справедливее, скорее всего, говорить о каких-то годах жизни, когда он бывал *таким*. Потому как в другие годы (и при совсем других жизненных обстоятельствах),-- Горелов и был уже - совсем другим...

И все же... И все же мне все больше казалось, что что-то ускользает от меня. Когда пытаюсь я записать это о Горелове... Наверняка, я все время упускал какие-то детали... Память (будучи как вроде бы "расположенной" вначале),-- теперь не очень хотелось, чтобы получился в итоге - какой-то единый портрет Вячеслава Андреевича Горелова.

Но уже как вроде бы ступив на этот путь - я и не мог просто так повернуть обратно. А причин, как вроде бы, не находилось.

Глава 3

Вот что меня смутило!.. В какой-то из дней я наконец-то нащупал разгадку причин зарождения моих сомнений. И разрешалось-то все необычайно просто. Просто Горелов имел одну забавную особенность. Какое-то время он мог оставаться совершенно нейтральным к каким-либо изменениям своего сознания. Да и оно уже (как будто) так уж сильно и не приносило ему какого-то вреда. И, видимо, в каком-то *таком* состоянии я как-то и застал его. А потому, смутившись необычайно, уже принялся ругать сам себя. Но оказалось, это не я "вижу патологию там, где ее нет"; а просто у человека рассматриваемого мной болезнь протекала в немного разных режимах.

И я смотрел на него, например, в минуты относительного затишья (в медицине, по-моему, это называется ремиссией).

Ну а на самом деле, конечно же, я себе тогда не обманул. Когда только первый раз с каким-то любопытством посмотрел на Горелова. И еще даже не казалось мне, что описание жизни его - возрастет в какое-то повествование...

Да и вообще, если подумать, насколько Горелов выпадал из общего типажа подобных личностей, схожих с этим человеком? Чем он таким уж отличался, что был выбран именно он?

Но насколько я должен задавать себе этот вопрос? Почему Горелов обязательно должен был иметь патологию души, отличную от десятков подобных же как и он безумцев? Безумцев, которые, находясь среди нас - тщательно (а чаще,-- неосознанно) скрывают свои поступки только лишь для того, чтобы (более-менее) казаться *незаметными*. Да им и не следует (по их мнению) особо как-то выделяться из общей массы. А зачем? В душе, конечно, каждая из этих полу-личностей мечтает о том, что их "заслуги" когда-нибудь будут оценены. И уж наверняка случается тот момент, когда придет и какое-то признание.

Причем, "признание" -- ведь это совсем может быть не иметь какой-то слишком широкий охват. Иной раз и признание собственной женой - уже признание. Вопрос, наверное, кто какие для себя ставит "градации оценки". И Горелов в этом плане, как мне показалось, мечтал о многом. (Ну, "обо всем", сказать было бы уж излишне нескромно).

Заметим сейчас, что может (не совсем верно) показаться, что у меня изменился какой-то взгляд на Горелова.

Ну почему он так-то уж должен измениться? Просто, видимо, со временем немножко слетела та пелена восторженности, с которой я доселе на него взирал. Ведь, признаюсь, мне поначалу казалось, что я нашел тот типаж, который действительно может чем-то уж так выделяться на фоне общей массы. И что именно его и следует взять за основу собственного повествования.

Ну, конечно же, пришлось частично (только чтоб чуть полнее представить его образ) коснуться и окружения Горелова.

...Таким вот образом я вышел на его брата...

Если честно, даже несмотря на то что вначале третьей части (данного повествования) я написал, что и Баев и Горелов оказались одним человеком, мне все таки в это как-то не верилось... И не потому что не хотелось так уж признать собственную ошибку (ведь, получается, ошибался я). Но вот насколько я на самом деле ошибался?..

Все дело в том, что после какого-то времени, во время которого я знал Горелова (и того непродолжительного периода, когда я общался с ним наиболее тесно - тогда же, или чуть раньше, и появилось желание написать о нем), случилось так, что я внезапно охладел к нему. Мне вдруг показался этот человек абсолютно неинтересен.

Набросив на себя пелену безразличности к нему (а заодно и убеждая себя, что этот субъект совсем не заслуживает того, чтобы о нем писали; ну, по крайней мере, чтобы это делал я), я на какое-то время отдалился от него. И даже совсем потерял его из вида.

Признаюсь, что где-то в глубине души, я, видимо, все же думал о нем чуть лучше. И зная собственную привычку неожиданно (и словно

без какого-то повода) рвать любые отношения с людьми, я, конечно же, подозревал, что причина моего охлаждения к нему кроется в чем-то ином. Быть может я как-то смог разглядеть в его личности какие-то мотивационные порывы свойственные мне; нечто, что, быть может, я не любил в себе сам; и что со временем удалось сплавить куда-то в бессознательное; а тут (глядя на Горелова) эти все намеки на девиацию -- столь нежелательного для меня -- поведения да психосимптоматику неожиданно стали всплывать и в моем сознании; а уже ради своего собственного самосохранения (и вполне возможно, что это именно и так) мне волей-неволей что-то пришлось вспомнить из того, что я давно уже намеревался забыть.

Ну, может, это и было так.

И тогда уже что-то внезапно взбунтовалось внутри меня, и я просто резко отдалился от Горелова, мотивируя тем не менее столь поспешный отъезд (для себя; в первую очередь я предпочитал договориться с самим собой) необходимостью обработать все полученные материалы. Что-то разобрать, что-то подытожить, что-то структурировать...

И так уж вышло, что эта вся моя (новая) работа несколько затянулась. А тут совершенно неожиданно я узнаю, что живет такой писатель Баев. Который, вроде как, по настоящему совсем даже и не Баев. А... Горелов.

Видимо бессознательно фамилия Горелов привносит в мое сознание образ именно Вячеслава Горелова (моего недавнего знакомого, от общения с которым я столь поспешно сбежал. Но ведь о Горелове уже начал книгу. Какие-то материалы даже собрал. Да и уже целую часть написал, находясь уже почти в отдалении от него). Я вижу этого Баева. Знаю (но он еще не признается) что Баев - это псевдоним.

Что настоящая фамилия его Горелов. Ищу что-то, что могло бы указать на какое-то родство (с уже известным мне Гореловым). И вдруг, совершенно случайно наталкиваюсь на схожесть имени их отцов. Из чего как-то неосознанно уже заключаю о том, что это родные братья.

Причем, опять же, только в моей памяти хранится несколько сюжетов (а на самом деле - реальных случаев из жизни), когда родные братья по каким-то причинам переставали с друг другом общаться. И даже настолько, что, проживая в разных городах, иной раз совсем ничего не знали о судьбе другого.

А я как-то упоминал, что с какого-то периода собственной жизни стал очень трепетно (и с большим доверием) относиться к тому, что хранилось в моем бессознательном. Все эти филогенетические схемы и прочее... Таким образом, как минимум, интуитивно я догадывался, что такое вполне возможно. И что может случиться так, что передо мной был как раз именно этот случай.

Ну а почему бы и нет?! (Да и, если честно, при желании я мог с легкостью подтасовать любые факты. Что-то "притянуть за уши", что-то интерпретировать с небольшой долей вполне допустимого отклонения. Но так, что совсем нельзя было бы сказать, что это будет "неправда". Пусть и на сто процентов реальной правды тоже не будет, но я могу сказать, что эти сто процентов почти и не достижимы. Почти всегда на любое событие можно посмотреть с несколько другой плоскости. И тогда... тогда изображение уже покажется несколько расплывчато... А значит, и совсем нельзя будет утверждать о каком-то единстве...

И вот таким образом...

Я, наверное, запутал сам себя.

Мне уже казалось (с одной стороны) что Баев - это Баев. Писатель, а в прошлом действительно генерал (хотя я уже начинал догадываться, что это в какой-то мере тоже, при жизни складывающаяся легенда... то ли сам Баев-Горелов придумал это... то ли кто из этих поклонников напридумал такое... Может это был плод воспаленного воображения их обоих... Может - а частично это вполне могло быть и так, к этому приложил руку и я... Уже моя фантазия...); с другой стороны,-- был Горелов. Вячеслав Аркадиевич Горелов, с которым я внезапно встретился...

Причем наша встреча проходила в не лучшие для меня дни... Я тогда какое-то время находился в жуткой депрессии, и всячески опасаясь признаться себе в наступлении ее... пил...

И при этом все также много работал...

В итоге, я действительно запутал сам себя. Запутал настолько, что уже хотел и просто отложить все начатые рукописи, и... начать сначала... И как вроде бы (что-то) и начал... А потом прошло еще какое-то время. И это все каким-то независимым для меня образом перемешалось. Одно наслоилось на другое. То, о чем были только предположения - как-то неожиданно (и достаточно достоверно) стало походить на действительно когда-либо случившееся; другое же наоборот - уже казалось мне настолько вымышленным и никогда не существующим, но я именно в нем заметил ряд моментов, которые знал - точно состоялись. И я уже настолько запутался во всем этом, что просто обязательно следовало что-то решать.

Подозревая, что уже не смогу так просто отказаться от своего плана (а задуманное - колоссальным размахом масштабности момента

вспыхивало в моем воображении),-- я все же решил уже было все прекратить. Как вдруг... неожиданно (для себя... для себя неожиданно...) отбросил свои сомнения,-- и стал работать дальше.

...И только что-то говорило мне о том, что это будет уже совсем другое повествование. В котором, "от прежнего", сохранятся... впрочем, сохраняться все действующие лица.

Да, быть может, оно уже не получится столь масштабным, как то задумывалось прежде...

Часть 4

Глава 1

И Горелов и Баев были два человека, которые занимали сейчас мое внимание. Если пытаться оценивать их личности с позиции общепринятых штампов (стремясь искусственно их в общий какой-то образ; пусть даже и два образа), то тогда какого-то отдельного мнения о них не будет. Это могут получиться и... мерзавцы; и вполне добропорядочные граждане, по каким-то своим поступкам - особо не отличающиеся и от других.

Но что-то мне все таки было в них интересно.

И учитывая временной объем (как я думаю, все же последней) части,-- я постараюсь представить их образ с позиций увиденных мной.

И пусть это будет немного отличаться от того, что уже знали о них другие.

Часть 2

Вячеслав Аркадиевич Горелов оказался на грани какого-то решительного выбора. С одной стороны, он мог оставить все "как есть". Тогда бы ничего не пришлось менять. И главное,-- не пришлось бы так-то уж себя серьезно критиковать. Но с другой,-- прежней жизнью он уже жить не мог. И даже если бы все же мог, то должен был хотя бы думать об этом - нечто совсем иное, нежели чем то, что напрашивалось доселе.

Конечно, ему необходимо было решительно избавиться от собственного прошлого. Почему-то так получилось, что именно в нем он видел сейчас причину раздражения, злобы, да и вообще, чего-то совсем не хорошего. Но, получалось, именно прошлое пока еще было то, что у него и осталось. И совсем избавиться от него - значит начать какую-то новую жизнь. А на это, видимо, он бы пока не решился.

Что же было ему делать?

Подобная загадка уже не в первый раз подкатывала к нему. О чем-то похожем он думал и раньше, когда уже даже и решил, что необходимы какие-то перемены. Но... Все таки что-то его сдерживало, чтобы решиться окончательно.

Но что? Что это было?

Глава 3

Баев задумался. По всему выходило, что сегодня-то как раз настали те времена, когда думать ему - уже было и необязательно. Он стал механизмом настолько важным, что почти от него одного и зависела общая работа. И случись что с ним - наверняка ничего и не

получится у других. Но... Это все было так. По-видимому, так. Но насколько все это было верно в реальности? Не есть ли все это то, о чем он с недавних пор начал подозревать? Когда заметил, что еще доселе как будто и существующий реальный мир - вдруг подменяется чем-то совсем другим. И вроде как еще ничего страшного не происходит. И как будто бы даже остается все по-прежнему. Но Баев уже догадывается: что это не так. И чувствует он приближение какого-то обмана. Словно иллюзорный мир (в котором он когда-то и мечтал находиться) теперь уже и не уходит никуда. И что самое страшное - и не выпускает Баева.

Вот оно что страшно. Вот где заложено начало трагедии. Вот где...

Баев задумался... А может и вправду не нужно было ему так думать? Разве не было его армейское прошлое (хотя насколько оно в действительности существовало?) неким подтверждением того, что не всегда - если мы много думаем - достигаем чего-то такого уж запредельного в своем развитии? Иной раз бывает и наоборот. Нет, не скатываемся, конечно, в пропасть. Но и что-то по истине уж начинает мешать, чтобы максимально раскрыть имеющийся потенциал...

Баев понимал, что когда-нибудь все о нем станет известно. Станет известна та правда, о существовании которой он даже и не думал... Не думал тогда, когда еще можно было что-то остановить...

Хотя,-- уже с другой стороны,-- насколько вся эта его тайная страсть покажется преступлением? Но... Баев знал, что это преступление. Это настоящее преступление. Преступление уже хотя бы потому, что раньше ничего такого он бы совершить и не решился...

...Когда это раньше?

Не тогда ли, когда случайно оказался в школьном туалете как раз в то время, когда другие мальчишки делали это... Понял ли он тогда что они делали? Почти год прошел, когда он увидел нечто подобное на видеокассете. А ведь он тогда искал какой-то учебный материал по биологии. Отец был в какой-то очередной экспедиции. (Он был ученый-полярник. Тогда был ученый полярник. Сейчас давно уже пропил последние "сувениры" с полюса). Отец был тогда в научной экспедиции. И дядя отца (по какому-то делу захвативший к его матери - эх, знал бы он тогда что это и не дядя его вовсе, а именно настоящий отец, а тот который в экспедиции - совсем другой человек. Официально считавшийся, впрочем, отцом), и дядя (интересно, а знал ли дядя что он был его отец?) видно уж слишком был увлечен беседой с его матерью, но вежливо прервал тот свой разговор, и внимательно на него посмотрев, сказал, чтобы поискал среди видеоматериалов научной экспедиции. И когда стал маленький Витя искать, то как раз и нашел он тогда... Как это называлось, он тогда не знал. Но именно тогда у него впервые появилась своя тайна. Пусть и маленькая тайна. И он тогда не знал еще совсем (тайна ли это? На самом ли деле тайна?) что это так. Лишь какое-то предчувствие было у него - что то, что увидел он на кассете, -- совсем нельзя, чтобы заметили, что смотрит он. И совсем нельзя было, чтобы знали о том взрослые.

И он убрал кассету обратно. Но как-то побоялся, что случайно кто-то наткнется на нее. И считал даже дни до конца экспедиции. Потому что понимал, что вернется отец (тот, которого он тогда считал своим отцом), и вполне может, не увидит больше Витя этой кассеты. А

он не мог... Он не мог уже, чтобы не смотреть на то, что происходило там. И... он смог успокоиться только тогда, когда сделал копию той кассеты. Стоило это довольно много (для него, в те времена школьника). Да и хорошо, что те, через кого он смог сделать перезапись - совсем не показывали даже (а может и вправду - как заметили) не знали, что было на той кассете. Ну да ладно.

Как раз тогда у Вити появилась тайна. Его первая тайна. И как-то так получилось, что именно по тому изображению - у Вити сформировались и вкусы и, конечно же, сексуальные пристрастия. Нет, нет, никакого гомосексуализма, педерастии и проч. (Хорошо, конечно, что этого не было там). Как не было и каких-то таких уж явных сексуальных девиаций. Но... видимо именно тогда, у мальчика заложились не совсем верные основы сексуальных отношений с женщиной. Да и не с одной женщиной. С несколькими. И хоть сменялись "героини". И даже иной раз менялись и "герои". Но как-то так получалось, что от своих ролей - никто уже не отходил. А Витя... Витя с тех пор как-то и не думал, что на самом деле может быть как-то иначе. И получалось, что мужчина должен унижаться и вымалывать любви женщины. А женщины - почти исключительно (выходило так) сплошь садистки. И сначала должна избить мужчин. А потом изнасиловать их. И ведь даже не отдаться... (подумал Баев, внимательно следя за своими воспоминаниями) не отдаться... А именно изнасиловать мужчину. Заставить его выполнять то, что будет нужно ей. Ее, ее скотские желания...

Баев выругался. Он не мог уже спокойно вспоминать об этом. Потому что... Потому что никак не мог (не был способен!) выбраться из образа этих мужчин... Они неотступно преследовали его... И он все время, вынужден был выполнять их роли... Ползать, умолять,

выпрашивать любовь... Чтобы потом... Чтобы потом тебя изнасиловали...

Он знал... Знал что это мерзость... И вся его обычная (сознательная) жизнь была направлена... на избавление от этой мерзости.

Все это его стремления к руководящей роли... К навешиванию ярлыков, отличий, обозначений своего владычества...

Но как только начинался секс - и тотчас же все забывалось. С ним не только уже никто не считался. Но и он сам себя... презирал.

А с ним могли вытворять все, что угодно было другим. Женщинам... Все этим женщинам...

Глава 4

Удивительно. Мне словно удалось подслушать разговор обоих. Разные это были люди, или все же в душе это был один человек, мне какой-то момент достаточно стала заметна какая-то схожесть и Баева и Горелова. Они действительно были похожи. И внешне, и внутренне. Так что это вполне мог быть и один человек. И его брат-близнец. Да и в чем-то, память стала возвращаться и ко мне.

Уже три года, как я перенес страшнейшую аварию. Из всех кто был в нашем автомобиле - выжил лишь я один. Причем не только выжил, но и почти вернулся к обычной жизни. И вот только память было то, что ко мне возвращалось более медленное. Но сейчас как вроде бы все вернулось. И я иногда вспоминаю те детали, которые

когда-то вызывали во мне болезненную реакцию. И мозг, словно желая избежать меня от них - сделал так, чтобы я их забыл...

Видимо так получалось, что большей частью мне хотелось написать даже не о Горелове или Баеве. Но так получается, что книгу о себе я пока отложил.

Мне как-то очень захотелось помочь сначала им. Помочь, быть может, понять им самих себя. Но вдруг я стал понимать, что так выходит, что этого им как будто и не надо. Они наоборот. Стремилась от себя убежать. А я как будто возвращаю их обратно. И тогда уже все эти строчки, лишь невольное напоминание для них о том, что они так не хотели замечать в себе.

Но дороги назад у меня уже не было.

Глава 5

Вячеслав Аркадиевич Горелов давно уже для себя решил, каким он должен быть. Каким он должен казаться на людях. И только раз решив это, он как будто и забыл о том. Но бессознательно теперь стремился походить именно на тот образ, который когда-то был им выдуман.

После всех своих неудачных браков, женщин он стал опасаться. Все чаще он испытывал негодование о том, что так когда-то могло получиться. Ведь он ошибся. Он ошибся во всех них. Ошибся своим излишним проявлением чувств. Они не поняли его. Не правильно поняли его. Не правильно поняли его "открытость". А ему просто

хотелось быть самим собой. Но кто знал, что мир вокруг еще не готов - к такой вот "открытости".

Они, наверное, считали его извращенцем. Считали проявление его чувств чем-то странным и *низменным*. И никто из них не понял, что для него это было и не так важно. Настолько неважно, что он смог совсем избавиться от выражения каких-то эмоций по этому поводу. Выражения своего "желания". Которое ему удавалось заглушить настолько, что какие-либо сексуальные отношения вообще потеряли для него значимость. Былую значимость. Они убили в нем это. И теперь он просто избегал этого. Как избегал, порой, даже и общения с женщинами. Боялся? Он их боялся. Боялся как того, что снова прочтает в их глазах презрение. Так и боялся того, что вновь может не сдержаться. Расслабиться. Подумать, что какая-то женщина именно та единственная, которая сможет его понять. И он раскроется перед ней. А она...

Нет. Такого он больше не мог позволить. Необходимо было сдерживаться. Сдерживать свои эмоции. Желание. Сдерживать проявление чувств. Которые оказались столь губительными для него.

Глава 6

Самвел Арменович Мовсесян никогда не испытывал и тени сомнений. И то, над чем переживал Горелов (если бы Мовсесян узнал о том), показалось бы ему настолько несущественным, что он и не поверил бы.

Еще чего?! Мовсесян был слишком умен, чтобы решиться подумать об этом. Мовсесян был слишком хитер, опытен и изворотлив

- чтобы разрешить себе это. Мовсесян был слишком патологически бессердечен и развратен, чтобы считать, что о том, о чем думал Горелов - можно было переживать. Мовсесян прожил долгую жизнь. И в этой жизни он следовал единожды выработанному правилу - никогда не поддаваться искушению быть самим собой. Для достижения тех целей, которые были нужны ему - это было бы слишком расточительно. В жизни нужно было приспособливаться. Это было то правило, которому он следовал. Пусть грубо и прямолинейно, но оно давало свои плоды. И служило достижению результатов. Необходимых ему, Самвелу Арменовичу Мовсесяну. А раз так - так чего ж переживать?

И, конечно же, у Мовсесяна не было и тени сомнения плохо или хорошо то, что у него есть неформальная страсть к сексуальным утехам. Он вообще старался не думать об этом. Зачем? И тем более нельзя было допустить, чтобы он мог в чем-то себя осуждать. Ко всему что происходило Мовсесян приучил себя относиться так, словно все было "само собой разумеющимся". Ничто нельзя было изменить. Не надо было менять. И незачем переживать об этом. Да и какой-то патологии он в этом не видел. Так, быть может мерзость, да и все.

И вот именно зарождение какой-то загадочной (для него - загадочной) мысли что все это все таки "мерзость", привела к тому, что Мовсесян... влюбился. Да еще и в женщину.

Он даже испугался поначалу.

Он даже и забыл, когда такое случилось с ним тот единственный раз, когда об этом следует помнить всю жизнь. Наверное, давно. Очень давно. С тех пор ничего такого он себе не позволял. Слишком нехорошим, каким-то *зависимым* казался он себе

тогда. И настолько, насколько он захотел от этого ощущения избавиться, настолько же он и боялся впредь испытывать нечто подобное. И просто старался избегать уж слишком "личных" отношений к женщинам. И даже ту единственную, которая у него когда-то была, он уже не любил. Он просто помнил свое первое чувство к женщине (а иногда как бы "нарочно" -- как же он боялся этого -- он это вспоминал; чувство к женщине, портрет которой совсем стерся в его памяти), и каким-то образом проецировал его на тех немногих женщин, с кем приходилось общаться. Разыгрывая перед ними какую-то "влюбленность". При этом сам (что было важно, очень важно для него) оставался в безопасности от той страшной зависимости, которая дает любовь.

Да и нужна ли она была ему? Как-то научился он без нее обходиться.

И вот теперь неожиданно все грозило повториться.

Мовсесян сопротивлялся. Он даже пробовал пить (чего, в общем-то, за ним не наблюдалось). Когда не помогло - пытался занять себя работой. Занять настолько, чтобы не хватало уже сил ни на что. Главное,-- на мысли. На эти страшные мысли, которые начинали преследовать его.

Неужели это была кара за грехи? Ведь он много грешил? Он считал за какую-то свою "приятную обязанность" ходить в церковь. И в этот же день мог устроить свои *непотребства*. Совсем не проводя каких-то линий несовместимости одного с другим. Он просто как-то быстро забывал об одном, когда начинал (или готовился начать) другое. И во время любых наслаждений, он, конечно же, не думал.

Да и то, чтобы как-то сопоставлять эти два совершенно разных события - у него и мысли не возникало. Зачем? Действительно, зачем?

И что же тогда?

Но он действительно влюбился.

Кто была она?

Женщина. Просто женщина. Из тех женщин, которые десятками, сотнями, тысячами когда-то проходили перед ним. И из которых не заметил он ни одну. А вот теперь - влюбился...

Мовсесян испугался подобного чувства. Он даже еще не знал (и, быть может, почти совсем не догадывался), что это значило бы для него. К чему могло привести. Но в том-то и дело, что Самвел Арменович совсем не хотел, чтобы к чему-то приводило. Он как-то слишком привык к той жизни, когда "сегодня" - заранее было известно, что наступит "завтра". А "послезавтра" - будет тоже, что и было "вчера". И неделю назад. И что будет две, три, месяц после. Стабильность! Вот что боялся потерять Мовсесян. И так выходило, что ему действительно было что терять. Но даже и если бы он боялся что-то терять - все равно, сам факт того, что он мог что-то потерять - для него мог означать наступление трагедии. Трагедии, которой и избежать бы не удалось, если бы... Нет. Лучше пусть это не наступит. Не наступит никогда. Зачем ему какая-то любовь?.. Зачем ему какая-то женщина?.. Зачем ему какие-то перемены?..

Он слишком любит свою спокойную жизнь. А любые перемены... Не к добру это. Ничего ему не хотелось менять.

И Мовсесян заставил себя забыть о какой-то любви. О какой-то женщине. Заставил себя (хоть на время) совсем забыть о ком-нибудь. Он просто не мог поступить иначе. Не мог. Так было нельзя. И этому противилось что-то, что уже давно руководило им. Совесть? Интуиция? Он как-то боялся даже задумываться о чем-либо таком. И только один факт был непреложен. Если Мовсесян что-то решил - он непременно должен был это сделать. Иначе, зачем тогда жить? (Если ты должен идти на поводу у кого-то?..).

Глава 7

Горелов не думал, что все это настолько серьезно. Быть может первые мысли о подобном возникали давно. Но все-таки как-то удавалось ему - заглушить их. Чем? Да событиями собственной жизни. Любыми событиями. Иногда даже - не состоявшимися.

Объяснялось все просто. Любое событие - это особое психологическое состояние. Эмоциональное состояние. И зачастую неважно - случилось ли оно на самом деле. Психика начинает испытывать особого рода стресс - *от осознания самого факта наступления его*. А значит - эффект достигнут.

На примере все будет заметно значительно проще. Например, предположим, существует определенная категория обстоятельств, при возникновении которых Горелов испытывал волнение. Это мог быть предстоящий с кем-нибудь разговор (замкнутость была следствием именно нежелания вести беседы с кем-либо). Или, скажем, вообще - выход из дома. (Горелов был домосед; и необходимость какого-либо

выхода из дома могла служить причиной волнения или, скажем, возникновения тревоги). Ну еще может быть почти все что угодно. Чем Горелов становился старше - его психика все больше и больше испытывала "беспокойства" подобного рода.

Итак. Предположим, ожидалось какое-то событие. И тревожность, начинавшаяся у Горелова - служила тем катализатором, который зачастую и начинал регулировать его жизнь.

В итоге - если он чего-то "боялся" -- так уже "боялся" "по крупному". "По серьезному". И боялся *всегда*. А значит совсем было не важно что должно было наступить. Фиксировался сам факт какой-то тревожности. И этого хватало, чтобы не делать и чего-то другого.

Вот где-то примерно так.

Можно сказать, что, зная некоторые подобные "особенности" психики, Горелов со временем и научился их умело использовать.

Это была своего рода находка. Теперь ему совсем не нужно было так переживать. Вернее,-- эти "переживания" вполне можно было использовать.

И все же все чаще он начинал понимать, что как бы он не убеждал себя что "ситуация находится под его контролем", на самом деле все выглядело несколько иначе.

Конечно, в чем-то он еще мог положиться и на свои знания, и на свои способности (интуитивные способности) к предугадыванию. Ситуации. Но все чаще у него наступали такие состояния, когда приходило ощущение что его сознание - совсем уже и не контролируется им.

Страшно тогда становилось Горелову.

--Наверняка так сходят с ума? - не раз возникала мысль; и ему все труднее удавалось избавиться от того, чтобы смириться, что это так.

Но что-то еще удерживало от того, чтобы признать свое сумасшествие. Что-то (пусть и уже неразличимое) поддерживало иллюзию того, что у него еще есть шанс.

Но почти точно также, почти наравне с тем, он все меньше верил в это и сам. Да уже и почти совсем не верил.

Он совсем запутался... Горелов понимал, что на самом деле он не знает как должна проходить его жизнь... В его затуманенном сознании удрученно проходили сюжеты не проигранных жизненных историй... Сцены из его будущей жизни... Которые так никогда и не воплотятся. Не произойдут в реальности. Да и те, которые уже произошли, он совсем не был уверен, что необходимо было поступать именно так.

Что же тогда?.. Неужели на этом должно все закончиться?.. Неужели... это все?..

Вместе с Гореловым запутался и я сам. Что-то меня еще удерживало, чтобы признать, что на самом деле все закончено. Но я не знал чем мне ему помочь. И что на самом деле - был когда-либо способен.

Как будто какой-то невероятный обман вдруг встал передо мной. Мне показалось, что я неожиданно запутал сам себя. Что всю жизнь я жил с каким-то нелепым убеждением, что коснись чего, и я смогу выправить любое положение. Выйти из любой ситуации, которую спровоцирует мое разыгравшееся сознание. Сознание, которое

давно уже жило какой-то своей жизнью. И иллюзорная контролируемость - исчезла вместе с ним. Теперь я совсем не знал, куда это может меня привести? Так же как и не знал Горелов. И только тут я понял, что, взявшись писать о Горелове, я каким-то ужасающим образом наделял его чертами, свойственными мне. И все в итоге запутал настолько, что уже и не знал - где же спрятан выход. И есть ли он?..

Игра затянулась. И я теперь совсем не знал - была ли это игра?.. Это была жизнь. Ну, быть может, набор каких-то хаотично-наслаивающихся друг на друга отрезков жизни. Но вот кто на самом деле был главным героем в этой жизни? О ком на самом деле шло повествование?.. Я уже не мог ответить на эти вопросы... Не знал... Да, быть может, и не знал... Но и "незнание" все больше стало развиваться во мне именно тогда, когда я почувствовал, что... вместо Горелова вполне могу быть я... А писать о себе вовсе не хотелось...

21 сентября 2005 год.

Сергей Алексеевич Зелинский.

© С.А.Зелинский. Безысходность.

